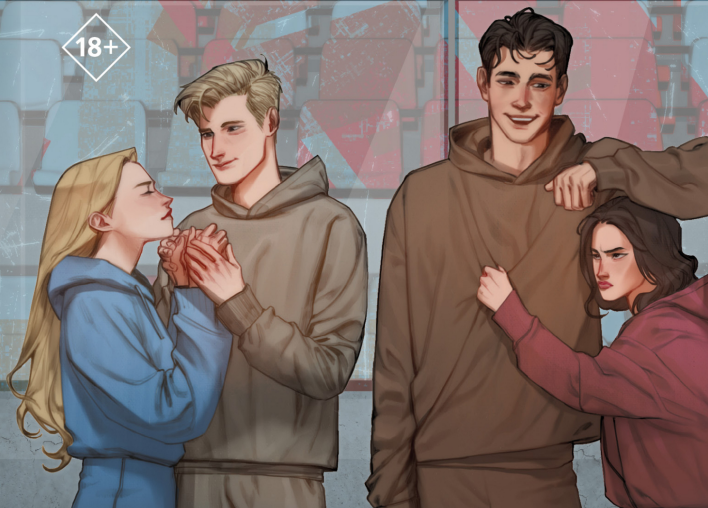

Эллин Ти

Непара

Слова могут растопить
даже лед

18+

Эллин Ти Непара

Серия «Young Adult. Любовь растопит даже лед. Романтика от Эллин Ти»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69539779
Непара / Эллин Ти.: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-190773-0

Аннотация

Лиза Гаврилова и Алиса Нежнова – лучшие подруги еще с детства. Девушки учатся в одном университете, постоянно поддерживая друг друга.

В один день на парах по физкультуре они встречают двух хоккеистов из многообещающей команды: Егора Колосова и Артема Савельева. Между Алисой и Егором сразу возникает прочная связь. Артем же с Лизой чувствуют взаимную неприязнь и недоверие, от которых летят искры во все стороны.

Любовь имеет много граней. Смогут ли одни сохранить ее, не растеряв по дороге к счастью, а другие рассмотреть среди вечных подколов и пустых ссор настоящее чувство?

Непара набрала более 70 тыс. прочтений на Фикбуке и более 15 тыс. на Литнете. Эллин Ти – известный автор сентиментальной прозы, которая публикует свои книги в печатном виде впервые!

Содержание

Глава 1	9
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Эллин Ти Непара

Иллюстрация на обложке LINK

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:

© Alex_Murphy, Torao_21 / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

LIKE
BOOK

© Ти Э., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

Лиза

Чертова зима. Почему у нас не может быть тепло двенадцать месяцев в году? На весну и осень я еще, может быть, согласна, но зима – это уже перебор! Очевидно, я должна была родиться мулаткой и жить у океана, но в системе произошел сбой, и меня забросило в Подмосковье. Причем в самый огромный сугроб забросило. Издевательство.

У меня даже день рождения летом! Когда все цветет и пахнет, когда на улицу можно выходить с ощущением радости, а не с желанием повеситься на гирлянде, пока украшаешь ею окна. Меня даже Новый год не радует. Только выходные и возможность не высовываться на улицу дают право не ненавидеть праздничные дни. Но когда праздники заканчиваются...

Я бегая по квартире как ненормальная, пытаюсь собраться в кратчайшие сроки. Режим в выходные дни пошел по одному месту, поэтому проснуться на первую пару в понедельник – самое сложное испытание за все мои девятнадцать. А если учесть, что зимой мне на сборы надо в три раза больше времени из-за количества одежды, я вообще должна была проснуться на полчаса раньше обычного, а не на сорок минут позже. Ко второму курсу так и не привыкла выходить из дома вовремя. Вечно лечу на пары как сумасшедший гном,

постоянно глядя на часы и наивно надеясь не опоздать. Гном, потому что мои метр шестьдесят как-то разительно отличаются от неожиданно высоких сверстников. А сумасшедший, потому что на мне столько слоев одежды, что я больше похожа на огромный бегающий пельмень, чем на взрослого адекватного человека.

Не знаю, как люди выживают на Северном полюсе. Я в наши минус пятнадцать и довольно сильный снегопад надеваю шарф под куртку, еще один на куртку, натягивая его до глаз, шапку и сверху меховой капюшон. Меня даже не видно из-за всех этих манипуляций, но это и к лучшему. Народ, знающий меня только как студентку и сокурсницу, никогда не разглядит в этой куче одежды свою знакомую Лизу Гаврилову. Потому что, стаскивая с себя все, что меня хоть немного спасает в морозы, я становлюсь похожа на сумасшедшего гнома уже немного меньше. Совсем немного, но все-таки.

Алиса всегда стоит и ждет меня у своего подъезда, мой самый верный друг. До универа идти как раз через ее дом, поэтому мы встречаемся здесь и топаем вместе. И, когда опаздываем из-за меня, она даже не ворчит, а спокойно стоит и ждет. Ну золото, а не человек.

– Боже, Лиз, ты на Северный полюс собралась? – хохочет Алиса, подходя ко мне и обнимая. Обычно мы целуем друг друга при встрече, но вряд ли она сможет докопаться до моей щеки сейчас. Хмурюсь и показываю язык подруге, который она тоже из-за шарфа не видит, и уже сама смеюсь своей

нелепости. Но что я сделаю, если холодно? Я не могу переносить холода, это даже не смешно!

– На Северный полюс я и под страхом смерти не поеду, – бурчу в шарф, поправляя его ладонью, упакованной в теплую варежку. – Когда там уже весна? Все, уже пора, я на зиму насмотрелась, несите май и цветущую сакуру.

– Да время быстро пролетит, вон уже середина января. Оглянуться не успеешь, как снег растает.

К слову, Алиса выглядит как нормальный человек рядом с сумасшедшей мной, но от одного взгляда на нее по мне бегут мурашки. Я не понимаю, ну как ей не холодно? Мало того что без шапки, спасибо хоть в капюшоне, так еще и ноги в одних только колготках! Нежнова, как обычно, не изменяет своим коротким юбкам в любое время года. Кто из нас еще сумасшедший... Я тоже люблю конечно, да и фигура позволяет, комплексов у меня по этому поводу нет, но, пока снегопады не закончатся, я из обожаемых теплых джинсов, под которыми у меня всегда колготки с начесом, не вылезу, не-а. Ни за что. Зимой я не красивая девушка, зимой я ограбивший магазин одежды снеговик...

– Слушай, а пошли на каток? – внезапно говорит Алиса, и я задумываюсь, не сошла ли подруга с ума. Потому что я последний человек, которого можно позвать на каток. Там же лед. Там холодно, черт возьми. – В парке недалеко от универа прямо на улице залили, и коньки в прокат взять можно. Погуляем?

– Лис, – хмурюсь и уже задыхаюсь от тяжелой ходьбы по снегу. Шарф от горячего дыхания покрывается капельками, они моментально замерзают и неприятно колют подбородок. Жу-у-уть... – Ты шутишь?

– Нет, – Лиска качает головой, и я вижу, что все ее улыбки ненастоящие. Она грустит. Что случилось? – Просто гулять хочется, а мне не с кем. Мы как с Сережей расстались, я, как старая бабка, дома сижу. Как будто мне не девятнадцать, а семьдесят шесть.

– Лис, ты же знаешь, когда март наступит, я вся твоя. Любые парки, клубы, набережная, кафешки – да что твоей душе угодно. Но не переношу я все, что связано с зимой, с трудом до универа дохожу и обратно.

– Да знаю я. – Лиска снова хмурится, глядя под ноги на сияющий и хрустящий от мороза снег. – Просто подумала, что было бы здорово погулять вместе.

Блин. Что я за подруга такая?

Лиска встречалась со своим Сережей аж с девятого класса. Они никогда мне не казались идеальной парой, но в итоге целых три года пробыли вместе. На выпускном он ей даже предложение сделал, правда, свадьбу пообещал через пару лет, когда станут чуть старше, но кольцо подарил, как полагается, красивое такое, с камушком. Они ездили летом на море, почти свадебное путешествие, их родители были знакомы и уже успели подружиться. Они планировали будущее и правда думали, что проживут вместе всю жизнь, но по-

то-о-ом... Потом студенческая жизнь захлестнула примерного Сереженьку настолько сильно, что уже через полгода обучения на первом курсе он переспал со своей одноклассницей на одной из вечеринок, в чем сразу признался Алиске. Благо что учатся они в разных универсах и видятся каждый день им не пришлось. Лиска не пережила бы, она очень страдала. Даже напилась в первый раз сильно после их разрыва, полночи обнимаясь с унитазом в моей квартире. Хорошо, что родители были в очередной командировке и не видели их «вторую дочь» в таком состоянии. Мы с Лиской с рождения вместе, наши мамы дружат со школы, и видеть свою крестницу пьяной до синих соплей моей маме лучше не стоит. Пусть и дальше называет Лисоньку любимым ребенком, так будет всем проще. А когда ей плохо, я и сама смогу помочь.

Сережу мы вместе забывали долго и нудно, и вроде как процесс завершился успешно. Было только одно «но». Лиса не подпускала к себе парней, держа всех на довольно большом расстоянии. Ни с кем не знакомилась, не отвечала на улыбки, не давала свой номер и даже не отвечала на предложения пообщаться в интернете. Ее разочарование было очень сильным. Лиска красивая! И на нее всегда засматривались парни, но каждый после Сережи был отправлен в далекое путешествие. Она перестала верить мужскому полу из-за такого предательства, потому что влюбилась впервые, а ее предали... И я прекрасно ее понимаю.

Мы с моим бывшим парнем даже не расставались. Он просто свалил учиться в Питер, и наше общение сошло на нет. Предложений он, конечно, мне на выпускном не делал, за что ему огромное спасибо, но все же. Леха был на два года старше, учился на втором курсе, когда я оканчивала одиннадцатый класс. Да я в универ-то этот только из-за него поступала, чтобы почаще рядом быть, а он: «Прости, крошка, перевожусь в Питер. Там возможностей больше, да и у отца фирма, буду опыта набираться. Не скучай, ладно?» И, чмокнув в нос, свалил, забыв все, что было между нами. А я и не скучала, как он и просил. Ну разве что немного. В любом случае попойки с Алисой помогли забыть не только Сережу, но и Лешу. Двух зайцев одним ударом, так сказать...

И я понимаю, почему Лиска снова грустит. Она стала улыбаться совсем редко и перестала отпускать идиотские шутки о моем росте, хотя раньше никогда не упускала возможности.

Мы на самом деле не гуляем, потому что эта ненависть к зиме умоляет меня оставаться дома и пить какао, глядя сериалы, но... Но у нее же, кроме меня, нет никого сейчас. И поэтому она грустит. И что я тогда за подруга такая дерьмовая получаюсь?

– Только с тебя ванильный латте с эклерами, – говорю, закатывая глаза, когда Лиска расцветает на глазах и кидается обниматься. Ладно. Ради любимой подруги можно и потерпеть немного. Ничего же страшного не случится?

* * *

– Какой идиот ставит первой парой физкультуру? – ворчу в гардеробной, стягивая с себя все шарфы, шапку, куртку, варежки и теплые носки, которые надеваю еще сверху колготок, пока Лиска надо мной смеется, уже давно повесив верхнюю одежду на место. Ну и что, что у меня в рукава все не помещается и приходится складывать в отдельный пакет? Зато мне тепло.

– Ты лучше спроси, зачем журналистам вообще физкультура нужна, – соглашается Анька, наша одноклассница. – Требуем с нас, как с футбольной команды. Как будто бы нам по полю бегать, а не интервью у этих же футболистов брать, честное слово.

С постоянным ворчанием настоящих недовольных женщин мы влетаем в раздевалку по звонку. Но препод уже не особо обращает внимание на наши опоздания. Потому что в понедельник на первую пару сам частенько задерживается. И вообще, студенты еще сонные обычно, так что пара начинается только минут через десять от ее фактического начала, поэтому мы спокойно переодеваемся и идем к спортзалу, нахмурившись, когда замечаем что-то очень странное.

– Что за бурная деятельность? – спрашивает Лиска. Из зала стоит такой шум, словно там не физкультура у спящего второго курса, а баскетбольный матч каких-нибудь всемирных звезд или еще чего похуже. – Все после праздников так полны сил? Мало верится.

Верится действительно ничтожно мало, поэтому, хмуро переглянувшись с Лисой, и входя в зал, мы застываем. По залу бегает человек тридцать, половина из которых вообще ни капли не похожа на наш второй курс. Что происходит, где наши сонные мухи и кто все эти огромные мужики?

– Явились, – слышится голос преподавателя позади нас, и мы с Лисой одновременно подпрыгиваем, оборачиваясь.

– Максим Леонидович, а что происходит?

– Теперь заниматься будете с юристами с четвертого. Им поставили дополнительные пары, решили с вами совместить, потому что больше не с кем, у них как раз в понедельник и среду было окно первой парой. Так что марш пять кругов по залу за опоздание! – кричит Максим Леонидович и свистит над ухом так громко, что мы обе чуть не глохнем, сразу же начиная бежать по залу под краткие взгляды всех четверокурсников и смешки наших родных со второго.

– Понедельник не был бы понедельником, если бы не штрафы за опоздание, да, Гаврюш? – смеется наш одногруппник Витя, когда мы с Лисой пробегаем мимо него. Этот придурок стал называть меня Гаврюшей из-за фамилии, и вслед за ним так стали делать все кому не лень. Убила бы засранца... Мне не нравится это прозвище.

– Эти юристы так пялятся, – шепчет Алиса, хмуря брови.

– Ты свою задницу в этих лосинах видела? Даже я пялюсь, Лис. – Смешно, конечно, но эти амбалы и правда рассматривают нас как музейные экспонаты. Им задание дали, мяч

через сетку для разминки друг другу бросать, а они смотрят, как будто опоздавших никогда не видели.

– Тебе даже потрогать можно, – смеется подруга, останавливаясь, когда штрафные круги наконец-то заканчиваются.

– А мне можно? – Рядом появляется какой-то абсолютно наглый парень, улыбаясь так широко, что у него наверняка чуть не лопаются щеки от перенапряжения. Он закидывает руку мне на плечо, заставляя округлить глаза в удивлении и поднять голову, чтобы рассмотреть наглеца, который возвышался надо мной сантиметров на двадцать, если не больше.

– Ты кто такой? – зло шипит подруга, окидывая амбала хмурым взглядом. Ох, зря он решил, что может просто так трогать – а судя по его фразочке, именно это он и собирался сделать – Нежнову. Девочка-колючка.

– Я Тема, с четвертого. Мы до пары со всеми вашими познакомились, а вот вас не дождались.

– Можешь познакомиться со своим кулаком в раздевалке, хотя, я уверена, вы с ним и без того неплохо ладите, – ехидно улыбнувшись, шиплю как змея ядовитая. Терпеть не могу этих чересчур самоуверенных красавчиков-переростков. Обычно, кроме внешности, в них нет ничего нормального. Этот точно хорошей славой не отличается. О нем знают все в универе, как и о его дружках. Спортсмены, хоккеисты, играющие за нашу местную команду. А еще лютые бабники и любители бросать девчонок на следующее утро после очередной вечеринки. О них не слышали только глухие, серьез-

но, местные звезды, возомнившие себя элитой, разъезжающие на дорогих тачках. Даже в нашей группе из скромных пятнадцати девчонок и трех парней нашлось три дурочки, которые уже плакали ночами в подушку из-за этого вот «Темы с четвертого». Именно поэтому знакомиться с ним, как и общаться нормально, я не собираюсь.

– Это что за грозный гномик тут стоит? – Он треплет меня по макушке и звонко смеется, привлекая чересчур много лишнего внимания. А еще этот придурок слишком долго касается меня, и это тоже раздражает. – Девочка, ты как сюда попала? Тебя родители потеряли?

– Армия гномов велела найти самого мерзкого из великанов и открутить ему яйца. Смекаешь, о ком я?

– Сава, заканчивай, а то и правда без яиц останешься. – Рядом появляется второй дружок из хоккеистов, Егор. По слухам, от Артема отличается он только цветом волос. Этот почти блондин, тогда как у Артема густые и каштановые, в беспорядке торчащие в разные стороны. – Милые дамы, – он делает шуточный поклон нам с Лисой, – прошу простить моего друга, он сегодня само невежество.

– Цирк какой, – закатывает глаза Лиса и хватает меня за руку, уводя в другой конец зала, где стоят наши одноклассники. – Что за идиоты? Что один, что второй. Клоуны.

– Хоккеисты! Гордость универа! – поднимаю палец вверх, копируя нашего ректора, который на каждый праздник выступает с речью и расхваливает наших хоккеистов, как буд-

то, кроме их сомнительных достижений, похвастаться больше нечем.

– Гордость универа, точно. Хуккеисты они. Один краше другого, ни одной юбки не пропустят, придурки. И как наша Машка вообще могла повестись на этого второго? Как его? Егор. Они же вообще не понимают, что такое нормальные отношения.

Лиса вообще очень злобно относится к таким вот бабникам после измены Сережи. А я... да плевать мне на них в общем-то. Если дурочки сами кидаются к ним в объятия, это их выбор. И проблемы потом тоже их.

Радует только, что я не такая и ни один из них совершенно не в моем вкусе.

Глава 2

Лиза

Вот сколько раз говорила сама себе: «Лиза, начни заниматься спортом, хотя бы зарядку делай по утрам» – столько раз все эти слова пропускала мимо ушей. Спорт – это вообще не мое. Я даже присесть толком не умею. Поэтому и на физику я обычно опаздываю, порой вообще не прихожу, ссылаясь на боль в животе или еще что-нибудь, большую часть времени сижу на лавке и болтаю с одноклассниками или стою, глядя на бегающих студентов. Обычно моя пара физкультуры заканчивается теми самыми штрафными кругами по залу, а дальше начинается то, что делаю я лучше всего: ничего.

Но сегодня наш препод как с цепи сорвался. Он то ли из-

за четвертого курса себя таким деловым возомнил, то ли еще что-то, но нагружает так, как никогда прежде. На жалобы о болях не реагирует, отдыхать не разрешает да даже в туалет не пускает! Мы бегаем на скорость, прыгаем в длину и высоту, сдаем какие-то идиотские нормативы и вообще занимаемся тем, что мне не по душе. Лиске проще, она по выходным в зал ходит, чтобы фигуру поддерживать. А у меня генетически все неплохо, зачем мне лишние нагрузки? Хотя, если бы я ходила вместе с Лисой – а она давно меня зовет, – не выплевывала бы сейчас свои легкие на пол.

Физрук снова свистит в этот чертов взрыватель мозга, призывая закончить выполнение выпадов по залу. Ну неужели! У меня ноги сейчас отвалятся от этого ада.

– А теперь разбились по парам и идем качать пресс, у вас семь минут до конца занятия, каждый по три минуты должен успеть. Бегом!

– Да твою мать, что с ним сегодня? – рычу, с трудом перебирая ногами в сторону матов, чтобы покорячиться три минуты и наконец свалить из этой преисподней. – Если он каждый раз теперь из-за четвертого курса так будет отрываться на нас, то я вообще на его пары никогда не приду больше, честное слово. – Делаю большой глоток воды и проливаю ее на себя из бутылки, споткнувшись о свою же ногу. Майка и так от пота вся прилипает к телу, так теперь и вовсе облепляет, как вторая кожа. Тихо радуюсь спортивному топу, который всегда надеваю под низ, и стягиваю майку, желая из-

бавиться от жуткого дискомфорта из-за мокрой вещи. Я это чуть ли не больше зимы терпеть не могу.

– Воу, крошка, решила устроить стриптиз? – Мимо проходит тот самый Тема с четвертого, опять улыбаясь. Чего он вообще постоянно улыбается? У него лицевой нерв защемило? Надо к врачу.

– Стриптиз только для клиентов, на придурков не распространяется, – пожимаю плечами под тихий смешок Алисы и старательно пытаюсь снова не запутаться в уставших ногах. Еще рухнуть перед ними не хватало для полного счастья и окончательно опозориться.

– Ты мне напоминаешь мышонка из «Том и Джерри». Такая же крошечная, но дерзишь. – Тема снова – раздражает – закидывает руку мне на плечо, и рядом опять пристраивается его друг. Что надо? Бесят.

– Это не я крошечная, это ты переросток. – Я терпеть не могу шутки по поводу моего роста, только если это шутит не Лиска. Ей можно. Ей вообще все можно. Все остальные будут отправлены мною во все стороны, потому что я и сама, черт возьми, знаю, что ростом не выдалась. Я с людьми среднего роста рядом выгляжу ребенком, а с этим дылдой так и подавно. Сколько он? Сорок метров?

– Откуда звук, – прищуривается придурок и смотрит по сторонам, намеренно не опуская взгляда на меня. – Колос, ты слышишь? Пищит кто-то, а кто, не вижу.

– Пошел ты, – сбрасываю руку со своего плеча и уклады-

ваюсь на маты, закатывая глаза. – Лис, давай я первая, садись на ноги.

– Какое скучное предложение, – корчит рожу Егор, наклоняясь к Лисе, и шепчет так, что слышно прекрасно и мне, и его стоящему рядом дружку: – Могу предложить сесть на лицо. Заманчиво?

Закрываю глаза и задерживаю дыхание. Нельзя говорить Нежной такое. Алиса совершенно не соответствует своей фамилии в такие моменты. Она превращается в разъяренную бестию, и остается только молить всевышних о том, чтобы она устала на физре достаточно сильно, дабы не дать этому хаму в нос.

– Могу дать по яйцам с колена, – шипит она, поворачиваясь к Егору. – Заманчиво?

– Ну вот, – ржет Артем, похлопывая друга по плечу. – Не одному мне грозит остаться без яиц сегодня, да?

– Можно подумать, они у вас есть, – закатываю глаза, и не успеваю опомниться, как к матам меня прижимает просто огромное тело наглого брюнета. Кажется, я его разозлила. Ну прости, придурок, так было задумано. Ты меня тоже бесишь.

– Котенок, ты сильно дерзкая, да? Нам с тобой до конца года встречаться тут два раза в неделю, – рычит он мне прямо в лицо, почти касаясь губами губ. Твою мать! – Ты бы прикусила язычок, если не хочешь, чтобы я заткнул тебе рот более интересным способом.

– Свою зубочистку можешь оставить при себе, котенок, –

копирую его манеру общения, стараясь не обращать внимания на противную дрожь. Все-таки мне не очень комфортно валяться тут под этой горой мышц в одних лосинах и спортивном коротком топе.

– Савельев, Гаврилова, вам номер снять? – рычит Максим Леонидович, и я дергаюсь, тогда как Артем еще раз окидывает меня гневным взглядом и медленно поднимается, но... не до конца. Он остается сидеть на моих коленях, чтобы что?

– Все нормально, Максим Леонидович, – кричит он тренеру, даже не взглянув на того. – Пресс качаем. Да, Гаврилова? – ехидно так улыбается, надеясь, видимо, что я испугаюсь и отступлю. Не на ту напал, великан. Ох, не на ту...

– Да, Савельев. Покрепче держи, – рычу и собираю все силы в кулак, чтобы не выглядеть несчастной слабачкой, коей и являюсь, на самом-то деле. Поднимаю туловище, оказываясь слишком близко к лицу Артема, который, как назло, не сводит с меня глаз, явно пытаюсь засмущать.

Парни привыкли к девчонкам, которые растекаются у их ног ванильным мороженым, и думают, что так будет с каждой, в чью сторону они посмотрят. Такие большие, а в сказки верят.

– Класс. – Надо мной раздается грустный вздох Лисы, и я виновато смотрю на нее, потому что оставила ее без пары из-за своего упрямства. – Буду одна.

Она ложится в метре от меня, и на ее ноги тут же приземляется тушка Егора, явно довольного собой.

– Не стесняйся, Неженка, мой партнер бросил меня ради твоей подружки, придется нам быть вместе. – Он улыбается и смотрит на недовольную Алису, которой явно эта идея не по душе, но она обреченно вздыхает и сдается: потерпеть осталось пару минут.

– Руками не трогать, – бурчит она, и Егор поднимает руки, выполняя просьбу.

– Ты тоже можешь так сделать, – киваю своему «партнеру» на его же друга, призывая не трогать меня, потому что он своими лапищами довольно ощутимо сжимает мне бедра.

– Не могу, – ухмыляется он, и я решаю не продолжать спор с этим упертым бараном. Себе же дороже, лучше молчать, чтобы он заткнулся. С такими вообще в идеале не разговаривать, но только мой острый язык тоже непросто успокоить. Надеюсь, что этот придурок больше ко мне не полезет, иначе, клянусь, наше противостояние закончится дракой.

По залу снова проносится громкий свист, и препод оповещает об окончании пары. Я радуюсь, знаю, что радуется и Лиска, и хочу встать, но этот Артем не собирается отпускать меня, потому что так и сидит на моих коленях. Хорошо хоть, Егор не испытывает судьбу и отпускает Лиску, даже помогая подняться.

– Встанешь? – Я правда пытаюсь не дерзить, а решить ситуацию спокойно, что дается мне невероятно тяжело.

– Не привык слезать с девчонки спустя всего две минуты. – Великан пошло прикусывает губу, и я растягиваю губы

в улыбке: он совершенно не умеет флиртовать.

– Уверена, обычно тебе хватает полутора. – Он сжимает челюсти, злится, встает и выходит из зала, бросая на меня хмурый взгляд, не предвещающий ничего хорошего, но я мысленно радуюсь, что уделала придурка, и встаю, глядя на вмиг повеселевшую Лису.

– Да, так Савельева еще никто не унижал, – хохочет подруга, двигаясь со мной к раздевалкам.

– Привык, что перед ним все стелются, кретин.

– Не боишься, что он захочет отомстить? – хмурится Лиска.

– Ну что он мне сделает, Лис? Ударит? Нет. Изнасилует? Не думаю, что он настолько скотина. Самоуверенный придурок, но не преступник же. Пристанет еще пару раз, поймет, что не его вариант, и отвалит к той, кто сразу ноги раздвинет. Такими тупыми подкатами можно склеить только таких же тупых дурочек, а тупой я себя не считаю.

– В прошлом году ходили слухи, что девчонка, которая ему отказала, через полгода перевелась в другой универ. Они начали встречаться каким-то образом, и он бросил ее, сказав, что никто не может отказать ему. А она влюбилась тогда уже сильно, и после расставания он постоянно задевал ее, довел до того, что она уехала.

– Нет, я ошибалась, он редкостная скотина, – хмурюсь, хватая с полки полотенце и топяя вслед за подругой в душ. – В любом случае меня ему так просто не развести. Как мини-

мум он не в моем вкусе. Даже внешне мне Егор больше по душе, если на то пошло.

– Этот еще, – Лиска закатывает глаза, – строит из себя джентльмена. В их группе у каждого парня есть своя тактика соблазнения девчонок, видимо. Потому что Влад из их компании обычно просит помочь с учебой, а во время этой помощи лезет к каждой под юбку.

– Я слышала об этом придурке, – киваю подруге, вспоминая историю первокурсницы, которую я успокаивала в туалете, умоляя прекратить истерику. – Все как на подбор.

* * *

Вечером, как и обещала Лиске, мы идем на каток. Хотелось, конечно, сидеть дома и пить какао с зефирками вприкуску с мандаринами, но бросить подругу опять страдать от одиночества я не могла, и так по-свински с ней поступаю.

Надеваю термобелье, чтобы не укутываться в огромную тефтелину снова. Вечером температура опускается еще на пару градусов, но снег больше не летит в лицо, что, несомненно, меня радует. Я даже не надеваю второй шарф, в который обычно кутаюсь до самых глаз, чтобы спрятаться от метели.

С трудом натягиваю на лицо улыбку, показывая Лиске, как я рада, что мы идем гулять, но эта засранка с веснушками раскусывает меня слишком быстро.

– Лиз, можешь не делать вид, что ты очень счастлива выйти гулять в середине января, – хохочет подруга, когда я толь-

ко подхожу к ней. – Но я очень ценю, что ты пересилила себя и выбралась ради меня.

– С тебя все еще латте в кофейне у катка, не забывай. Без латте ты бы не вытащила меня в такую холодину. – Поправляю свои пушистые варежки, почесывая ими замерзший нос, и Алиса вдруг смеется, глядя на меня. – Ты чего ржешь?

– Да просто ты в этих варежках и огромном капюшоне такая милая. Как будто не ты можешь любого мужика парой фраз до плитуса опустить, а потом еще и пинка ему дать. Ну прямо солнышко.

– Вот прикинь облом кому-нибудь будет, когда увидит меня, а потом решит заговорить, да? – За смехом и глупыми разговорами мы доходим до места назначения, и я вдруг теряю все веселье. Мой уровень катания на коньках оставляет желать лучшего. Не просто лучшего, а очень сильно лучшего. Я не люблю ни зиму, ни зимние развлечения, поэтому на катке была всего два раза, и то в далеком детстве. Благо не сломала себе ничего, хотя упала столько раз, что даже удивительно, как осталась целой. Надеюсь, такой останусь и сегодня. Обидно будет прийти сюда ради подруги, а уйти домой на костылях.

Подходим к прокату коньков, выбираем свой размер, а потом топаем к красиво украшенному катку. В этом году все сделали особенно классно, и даже такой вредине, как я, кажется, что мы с Лиской попали в сказку.

Сказка, правда, кончается в тот момент, когда я ступаю на

лед и сразу же падаю, больно ударившись пятой точкой.

И почему, интересно, я не люблю зиму и ее развлечения, да?

– Черт, Лиз, больно? – Лиска кидается ко мне, помогая подняться, и я благодарю всех богов за то, что хотя бы одна из нас двоих умеет кататься почти профессионально. Иначе мы бы никогда отсюда не выползли.

Чудом я встаю и сразу же прибиваюсь к бортику: тут спокойнее. По крайней мере, не распластаюсь по льду и не останусь без пальцев: фобия номер шестьсот четыре. Прямо вижу картинку, как я падаю, руки в стороны, а по моим пальцам проезжается кто-то не особо опытный, кто не успел сориентироваться и свернуть. Мне такое нельзя, как я буду средний палец придуркам показывать?

– Бери меня за руку, поедем вместе, – предлагает Лиса, и я хмурюсь. Не-не-не.

– Лис, в тебе веса больше на пять килограммов, и то только потому, что ты выше. Упаду, тебя потяну, и будем вдвоем как черепахи валяться. Катайся, а я у бортика похожу, буду смотреть на тебя и любоваться.

– Ага, а еще тихо меня ненавидеть за то, что вытащила тебя.

– Не без этого, – смеюсь, толкая подругу в плечо. Ради нее я и правда могу терпеть что угодно, но рисковать нами двумя просто не готова. Пусть катается, а мне и здесь хорошо, честное слово. Не очень, конечно, но точно лучше, чем

валяться посреди катка со сломанной конечностью. Я и так задницей приложилась прилично, наверняка синяк будет.

Алиса уезжает, явно получая кайф от происходящего, а я стою и рассматриваю народ вокруг. Наблюдать за людьми всегда интересно.

Вот какая-то маленькая девочка едет за руку, кажется, с мамой и радуется, что у нее получается. А вот парень, который явно не рад, что девушка вытащила его на каток. Чувак, я тебя очень понимаю. А вот вообще пара пожилых людей катаются, такие милые... А это... Че-е-е-ерт.

Отворачиваюсь в другую сторону, когда вижу компанию, которая за бортиком надевает коньки. Артем, Егор и их друзья: Антон и Влад. Ну нет... Все из хоккейной команды, все из нашего универа, только один из них учится на курс младше Артема с Егором. Но это не мешает ему быть таким же козлом...

Им что, льда на тренировках не хватает? Чего сюда приперлись?

Ищу взглядом Лису, но замечаю, что она болтает с какой-то женщиной. Черт, Алиса, как же не вовремя... Просто понимаю, что эти придурки не отстанут, особенно Артем, после того, что было в зале.

Медленно бреду вдоль бортика, держась изо всех сил, чтобы дойти до подруги и свалить с ней домой, но вдруг в меня влетает какой-то такой же умелец, как я сама, и я падаю, не успевая удержаться руками за ограждение. Ну класс, задни-

цу я завтра буду чувствовать очень ярко. Шикаю, пытаюсь встать, но коньки только разъезжаются в разные стороны, не давая мне побыть нормальным человеком. Я снова ощущаю себя коровой на льду.

Но вдруг меня кто-то очень резко поднимает и прислоняет к бортику, помогая удержаться на месте. По силе рук понимаю, что это точно не Лиса, как только они опускаются мне на талию – ну где-то около нее, через пуховик не разберешь, – удерживая меня на одном месте.

– Аккуратнее, стоишь?

Киваю, слыша явно мужской голос, и даже умудряюсь осторожно обернуться. Ну конечно. Антон. Очередной хоккеист, один из лучших друзей Савельева.

– Да, стою, в норме.

Грубить ему нет смысла: он ничего плохого мне не сделал, наоборот, даже помог. И хотя дружба с Артемом уже его, как не самого умного парня, за эти десять секунд он не успел оставить плохого впечатления.

– Покатать тебя? – спрашивает он, и я уже хмурюсь в ожидании пошлой шутки. Ну потому что просится прям.

– На чем, стесняюсь спросить?

– Ну, в данный момент на льду. Если хочешь, сделаю пару кружков, чтобы ты не стояла у борта весь вечер. – Он пожимает плечами и кажется мне абсолютно нормальным парнем. Но потом я вспоминаю, что в их компании все лютые бабники и каждый имеет свой подход к девушкам, и думаю: а не

тот ли самый это подход? Якобы я весь такой хороший, любите меня, а потом я отлюблю тебя на заднем сиденье своей машины. Ну уж нет, знаем мы таких, нужно держаться по-дальше.

– Да нет, мне и тут неплохо. – Не успеваю улыбнуться парню, как свет от гирлянды сбоку становится каким-то тусклым.

– И кого это я вижу?

О, ну конечно. Это его гора по имени Артем заслонила.

– Ты что-то хотел?

Не психуй, Лиза, просто не психуй. Он поймет, что тебе плевать, и свалит вместе со своими дружками. Просто потерпи немного.

– Я? – смеется Артем. – Я да, хотел. Хотел спросить, как у тебя, такой наглой и дерзкой, вдруг трясутся коленки? Что? Все? На льду всю прыть растеряла?

А я и правда растеряла. Потому что уверенности на коньках во мне ровно ноль. А он чертов хоккеист, он живет на льду, чтоб его. Поэтому я молчу, ну чтобы от греха подалее. Очень надеюсь, что это мне поможет.

– Сава, отстань от девчонки, ей и так страшно. – Антоша, ты вырос в моих глазах еще на пару сантиметров, хотя ты и без того шкаф, такой же, как твой дружок. Но все-таки гораздо приятнее этого придурка.

– О да, я вижу, – ухмыляется Артем, и я даже не успеваю опомниться, как он хватает меня за обе руки и едет прямо

к центру катка, утаскивая за собой. Ну твою мать, ну твою мать! – Что, уже не такая дерзкая?

– Использовать против людей их слабости – низко, – рычу, глядя придурку прямо в глаза. Пусть увидит, что даже в такой ситуации я могу ответить, а не только бояться до самого разрыва сердца.

– Ты-то у нас специалист по низким поступкам, да?

– А у тебя из высокого только рост, да? Планка морали валяется ниже плинтуса. – Вздрагиваю, когда он отпускает мои руки прямо в центре катка. Савельев медленно удаляется, едет спиной и злорадно усмехается, пока я стараюсь держать равновесие и не бояться так сильно. Ищу глазами Лису и вижу ее прижатой к бортику тушкой по имени Егор. Искренне надеюсь, что она даст ему коленом между ног и придет спасать меня.

Но спасение не приходит, а вот тот же неуклюжий парень, который сбил меня у борта, приходит, и очень даже. Он орет: «Берегись!» – еще метров за десять до меня, но я не могу даже с места сдвинуться, в панике вращая головой во все стороны.

И сейчас бы здорово Артему проявить хотя бы капельку человечности и сдвинуть меня с места, но этого, конечно, не происходит. Я падаю на лед, придавленная тяжелым телом неизвестного парня, и хнычу, понимая, что как-то странно болит в районе запястья...

– Рука!

Глава 3

Лиза

Что такое «не везет» и как с этим бороться?

Я вот не зря никогда не любила зиму, вот не зря. Что хорошего в миллионах слоев одежды, морозе, ветре, снегопаде и гололеде? Ни тебе нормально голову повернуть, ни погулять, потому что нос отваливается от холода. И нормального внешнего вида тоже нет, ходишь как капуста и пытаешься не сдохнуть в каком-нибудь сугробе, которого ты ниже ростом. Ну я точно ниже.

Я никогда не любила зиму, потому что постоянно падала, поскользываясь, часто болела и вообще плохо переносила мороз. И сейчас не люблю, потому что совершенно ничего не изменилось к моим девятнадцати годам.

Я стараюсь чаще быть дома, пить горячий чай, смотреть фильмы и рисовать. Короче, делаю все, чтобы остаться в живых, как бы глупо это ни звучало.

А тут Лиска. Грустная Лиска, одинокая, скучающая по своему придурку-бывшему и смотрящая на меня такими огромными глазами, уговаривающая пойти на каток. Так что я, отбросив в сторону все страхи, согласилась, хотя едва ли умею на коньках хотя бы просто ровно стоять.

И вот лежу. Вою от боли в запястье, пытаюсь скинуть с себя тушу виновника моего падения и не понимаю, за что мне такое счастье. Чертов Савельев. Если бы он не трогал меня, все было бы в порядке. Его вполне нормальный друг

– по крайней мере, пока он нормальный – Антон спокойно предлагал мне помочь прокатиться, когда этот идиот вывез на центр льда, бросил и даже не помог спастись от несущегося в меня пухляша, который сам, кажется, только сегодня встал на коньки.

Не день – праздник просто!

Можно прямо тут мне вырыть могилу? Есть предчувствие, что с появлением в моей жизни Савельева, скучно теперь точно никогда не будет. Только веселье это какое-то вообще не веселое...

– Да слезь ты с меня! – Здоровой рукой пихаю в плечо парня, который все еще лежит на мне, переваливаясь во все стороны, как матрешка, и только сильнее придавливает всем немалым весом. Не хватало еще и ребра сейчас сломать из-за того, что кто-то бургеры ночами поедает. Издевательство.

Он пару раз еще пытается встать, неловко скользя руками и ногами, как вдруг почти взлетает в воздух, явно не без помощи кого-то постороннего.

– Учись кататься, – говорит этот кто-то, кто стаскивает с меня пампушку, и я понимаю, что это Антон. Боже, по-моему, он и правда в их компании самый адекватный. По крайней мере, не стоит и не смотрит, как этот идиот Савельев, а хоть как-то пытается помочь. – Ты как? Вставай.

Он осторожно поднимает меня, крепко удерживая, а я все еще скулю от боли в руке. Это несерьезно! Не хватало только сломать себе запястье. Сжимаю крепко пальцами, надеюсь,

что это может облегчить боль, как тут же подлетает Лиска, хватая меня за талию с другой от Антона стороны.

– Что случилось? Лиз, что с рукой?

– Упала прямо на согнутое запястье, еще и парень сверху свалился, болит. – Понимаю, что почти всхлипываю от боли, хотя привыкла быть сильной и независимой и никогда не показывать слабости. Но рука действительно болит слишком сильно, чтобы я могла делать вид, что все в порядке. – Как ты свалила от Егора? – Вдруг становится интересно, потому что понимаю: этот идиот просто так не отпустил бы.

– Зарядила между ног, как и обещала, – хмурится Лиска. Достал все-таки мою Неженку, вот же урод. – Едем в больницу?

Лиска с Антоном выводят меня за бортик, усаживают на скамейку и осторожно стаскивают варежку с поврежденной руки, пытаясь что-то понять по стремительно синеющей конечности. Ну охренительно.

– Сава! – кричит Антон, и я вздрагиваю. Этот-то тут для чего? Доломать? Не до конца насладился представлением?

Смотрю, как придурок выходит за бортик и идет к нам, и рычу, не сдерживая раздражения:

– Пусть проваливает, если бы не он, все было бы в порядке.

– Я тебя не ронял, – говорит так спокойно, что у меня глаза на лоб лезут. Нет, он серьезно? Сам на лед выкатил, сам одну оставил и даже от падающего на меня парня не спас. А

теперь говорит, что не ронял?

– Да если бы не ты, я бы прекрасно стояла в обнимку с бортиком, придурок!

– Тема посмотрит повреждение, он лучше всех разбирается во всех травмах, – поясняет Антон, но я прячу руку за спину, снова ойкнув от новой порции боли. Делайте что хотите, а руку я этому извергу не доверю.

– Я не шучу, не подходи, – шиплю, как змея перед нападением. – Поеду в больницу, твой профессиональный осмотр ничего не даст, – говорю, чувствуя, что рука начинает болеть только сильнее. А этот шкаф стоит и просто смотрит на меня, как на музейный экспонат. – И что смотришь? Не доволен проделанной работой? Хотел покалечить меня сильнее?

Мне на самом деле очень обидно. Да, мы повздорили на физре, где-то там я задела его самолюбие, но, черт возьми, это же не повод калечить девчонку. Говорила Лиске, что он меня не ударит, а оно вон как вышло... Да почему моя задница всегда может найти себе приключения? Она от удара тоже, кстати, болит.

– Я. Тебя. Не ронял, – говорит, явно злясь, а я только сильнее психую, фыркая. Не ронял он. Урод.

Лиса помогает снять коньки и натянуть любимые угги, а Антон просто находится рядом, что даже немного странно, но в то же время приятно.

– Так и не выпили латте, – говорю подруге, кивая на кафешку, которую видно с нашего местонахождения, и Алиса

опускает голову, как-то странно хмурясь. – Блин, Лис, только не говори, что чувствуешь вину. – Нет, ну вот я так и знала. Дурочка моя. Кусает губу так, что я точно знаю – своей догадкой попала в цель.

Руки уже замерзли, поэтому боль немного поутихла, и мы решаем ехать в больницу на такси. В любом случае нам нужно в дежурное отделение, а на автобусе туда мне сейчас не доехать.

– Я отвезу. – Голос справа заставляет вскинуть брови от неожиданности. Вот странный какой-то, ей-богу. То ходит улыбается, то злится, то спокойный как удав, хотя мог бы и извиниться ради приличия, если уж на то пошло.

– Без тебя справимся, – говорит Алиса, и я мысленно ее целую в прекрасные розовые щечки. Моя девочка, обожаю.

– Вы в больнице будете не меньше часа, назад тоже на такси поедете? Не страшно ночью-то? – Он вскидывает бровь и смотрит на нас с легкой улыбкой, чувствуя себя победителем, видимо. Только вот мальчик забыл, с кем связался.

Демонстративно достаю телефон и набираю номер. Смотрю Артему прямо в глаза, мол, видишь, в твоей помощи никто не нуждается. Правда, если Леха сейчас не возьмет трубку, будет полный провал...

Но Леха не подводит. Обожаю его.

– Да, малявка, что случилось?

– Лешенька, а ты сейчас очень далеко? Мне твоя помощь нужна...

Леха – мой старший двоюродный брат. Единственный его минус – имя, как у моего бывшего. Никогда в помощи не откажет, люблю его как родного, серьезно. А еще Леха работает в такси, и, если мне очень нужно куда-то поехать, я всегда звоню ему. Денег он, конечно, не берет, но в качестве оплаты всегда заходит на ужин, в чем я никогда не могу отказать братишке.

Рассказываю в двух словах о проблеме, периодически шикая от боли в руке. Черт, я очень надеюсь, что там нет перелома...

– Лешка приедет? – улыбается Алиса, а Артем закатывает глаза и через секунду возвращается на каток. Кажется, он что-то бубнит, но мне как-то абсолютно плевать, если честно.

– Ты в следующий раз аккуратнее, – улыбается Антон, и я в миллионный раз не понимаю, что он делает с этими кретинами в одной компании. Подмигивает мне и тоже возвращается на лед, где у бортика стоит недовольный Егор и сверлит мою подругу взглядом.

– За что по яйцам-то дала? – спрашиваю, когда наконец-то остаемся вдвоем.

– Прижал к бортику и целоваться полез, ну я и треснула коленом, – улыбается подруга, – будет знать, как ко мне лезть. Я ему не очередная легкодоступная девица, на секундочку.

– Точно нет, ты вообще золото, – раздается голос слева, и

мы вздрагиваем, чтобы тут же громко запищать:

– Лешка!

– Ну что, красавицы? Допрыгались?

– Докатались скорее... Поехали к врачу, а?

* * *

Чертов ушиб не дает нормально спать. Мне больно, некомфортно, грустно и обидно.

Я, конечно, дико счастлива, что перелома нет, но ушиб сильный. Мази, таблетки и плотная повязка, которая, кажется, пережала кровоток и сделала только хуже. Мне больно, и мне это не нравится.

Утром я пью двойную дозу обезболивающего, чтобы не быть на учебе скулящим щенком, и не без труда собираюсь в универ, стараясь скрыть мешки под глазами от бессонной ночи консилером и литром тональника.

Видок, конечно...

С таким внешним видом только детей пугать, но точно не идти на учебу.

Одеваться неудобно, умываться неудобно, даже завтрак себе сделать катастрофически неудобно. Хорошо, что мама была еще дома и сделала мне кофе, в котором я после почти бессонной ночи нуждалась не меньше кислорода.

Чувствую себя калеккой какой-то, и все из-за одного придрка, который захотел повеселиться. Ну супер, конечно. Он повеселился, а мне страдать. Даже варежку не могу натянуть нормально, больно очень. Хорошо, что до универа топать

пешком, потому что в общественный транспорт я сейчас никак не влезу.

Иду, радуясь, что снег не летит в лицо, прячу руку в карман огромного пуховика, защищая конечность от холода, и топаю к Лиске, зная, что она меня уже ждет.

Но тут случается неожиданность.

Лиска стоит у своего дома и хмурится, рядом с ней Егор, а в метре от них его шикарная тачка. Они о чем-то разговаривают, но в шапке и капюшоне мне не слышно вообще ни черта, поэтому я спешу подойти ближе, чтобы спасти подругу от навязчивого парня.

– Что происходит? – спрашиваю в лоб, оказываясь рядом с ними. Егор на удивление самодовольным не выглядит и даже, наоборот, как-то... виновато, что ли, смотрит на мою Лису.

– Хочу подвезти твою подругу на учебу, но она делает вид, что пешком идти интереснее, – ухмыляется Егор, и вся растерянность испаряется с его лица. Надо же, какой хороший актер, пытался подействовать на Алису невинным видом. Наивный.

– Пешком действительно интереснее, чем в одной машине с извращенцем, – шипит Лиска и уходит в сторону, утягивая меня за собой за здоровую руку.

Не понимаю, какого черта этих хоккеистов стало так много в нашей жизни. Я искренне надеялась, что вчерашним днем все закончится, но сегодня с утра пораньше один из

них тут как тут. Ну что за издевательство?

– Да блин, ну я извиниться за свое вчерашнее поведение хотел! Как еще? С цветами и шоколадом тупо, а так хоть на учебу подброшу, – доносится нам в спину, и Алиса громко вздыхает, опуская плечи. Да что у них произошло и почему я до сих пор ничего не знаю? Подозреваю, что извиняется он за то, за что вчера получил по яйцам, но фиг знает, вдруг между ними еще что-то случилось? Почему она так реагирует?

– Слушай, – Алиса поворачивается и закатывает глаза, – давай договоримся: я уже не обижаюсь, но ты меня больше не трогаешь, ладно? Ни словом, ни делом, ни ручищами своими огромными. Хорошо?

– Не могу обещать, Неженка, я же сказал тебе вчера: тянет к тебе, ничего поделать с этим не могу.

Егор разводит руки в стороны, словно сдаваясь, и опять улыбается, а я отчаянно не понимаю, что происходит. Что значит «тянет»? Когда он это сказал?

Алиса смотрит на него в последний раз, закатывает глаза и уходит в сторону универа, даже меня с собой не потянув. Егор вздыхает громко. Видимо, надеялся, что Нежнова таки сжалится, поведется на его улыбку и впорхнет в машину. Ну очень наивный.

– Нежнова, а ну стой, – рычу и иду за подругой. Пробежалась бы с удовольствием, только вот погода не располагает, а рука все еще сильно болит, не хватало снова рухнуть на нее и точно сломать.

Мимо нас проносится машина Егора, и Алиса наконец-то останавливается, дожидаясь меня. Что за Санта-Барбара вообще?

– Что это было? – Мне необходимо знать все до мельчайших подробностей. Последний раз у Алисы хоть какие-то диалоги с парнями были... Да никогда. После Сережи она даже здоровается не со всеми. А тут приехали! Вчера целоваться лез, получил от нее за это, так еще и домой приехал, подвезти собирался. – Откуда у него твой адрес? И куда это его к тебе тянет?

Лиска закатывает глаза. Плохой знак, бесится, но я так просто от нее не отстану уж точно. Не тот случай.

– Вчера на катке, когда эти придурки туда приехали, может, видела, я стояла болтала с женщиной.

– Да, я еще расстроилась, что ты занята и мы не успеем сбежать.

– Это Светлана Сергеевна, она ходит ко мне на маникюр, не очень давно, но раза четыре уже была. Абсолютно прекрасная женщина, вот мы и разговорились с ней.

– Не вижу связи с Егором и тем, что он знает твой адрес. – Стараюсь и идти ровно, и слушать Лиску, еще и думать, чтобы понять, к чему ведет подруга. Времени у нас немного, универ недалеко, поэтому хочется уже узнать все поскорее.

– Мы стояли, разговаривали, а тут этот Егор. Обнял Светлану Сергеевну, и говорит: «Мам, где бы еще встретились». Представляешь? Она его мама! Говорит ему: «Вот стою бол-

таю с хорошей девушкой, не то что все твои куклы одинаковые. Присмотрись, Егорушка». Нормально вообще? Я рядом стою! А он ей говорит, что, мол, и так давно на меня смотрит, только я, колючка такая, не подпускаю его. Светлана Сергеевна рассмеялась, поехала кататься, а этот кретин меня к бортику прижал. Тянет, говорит, к тебе, сил моих больше нет. Давно на тебя в универе смотрю. Я его послала, а он целоваться полез, ну я и треснула его коленом, обернулась, ты лежишь, я к тебе, ну а дальше ты знаешь.

– Охренеть... Думаешь, адрес твой ему мама дала?

– Да, уверена. Этого счастья мне только не хватало. А то я не знаю, какой он кретин и что ему правда от меня надо. Мне секс на одну ночь не нужен. А если и нужен, то точно не с тем, кто потом об этом сексе каждому встречному расскажет, фу.

– Да, подруга... Влипла ты. Кажется, просто так он не отвалит. Еще и чертовы пары с ними теперь, – хмурюсь, реально жалея подругу. Отношения с парнями у нее сложные, и ей бы хорошего какого-нибудь, верного, а вокруг одни бабники, которых она на дух не переносит. Было бы проще, если бы Сережа ей не изменил. Она бы легче реагировала на таких вот Егоров, но в ее ситуации... Тяжело, короче.

Мы подходим к универу, где у входа опять стоит вся шайка местных хоккеистов. Господи, как же раздражают. Раньше мы не замечали их так часто, сейчас же они словно издеваются, попадаясь на каждом шагу.

Мы пытаемся пройти мимо, но меня окликают Антон, а

Алиса остается рядом, избегая взгляда Егора, который слишком уж медленно выпускает дым от сигареты вверх, и с прищуром смотрит на подругу. М-да... Будет весело.

– Как твоя рука? – спрашивает Антон, и я в миллионный раз не понимаю, как он может дружить с этими кретинами. Ну я прям не понимаю! Они слишком разные, он кажется очень хорошим, я не хочу в нем разочаровываться.

– Ушиб, – поднимаю руку, показывая перемотанную конечность, – и растяжение. Благодаря твоему другу теперь пить лекарства две недели и носить эту «прелесть».

Каким бы адекватным Антон ни был, разговаривать с ним я не намерена. Разворачиваюсь, собираясь уйти, как тут передо мной вырастает фигура Артема. Стоит, смотрит с высоты птичьего полета на меня, хмурится, а потом берет мою руку и поднимает, осматривая.

– Я просто не успел оттащить тебя, но пытался, – вдруг говорит он, и я хмурюсь. Серьезно? – Напиши, какие лекарства нужны, я все оплачу. Такого исхода я точно не хотел.

Савельев отпускает мою руку, прищуривается и отходит, пропуская меня внутрь, и я иду, пытаюсь переварить все сказанное этим придурком.

Чего?

Глава 4

Лиза

Я уже говорила, как сильно ненавижу зиму? Я скажу это еще раз. Потому что с больной рукой снять с себя сто слоев

одежды, размотать шарфы и стащить шапку очень сложно, и при всем этом каким-то чудом нужно не опоздать на пару. Вообще-то мы с Лиской пришли вовремя, но эти надоедливые хоккеисты затормозили нас у дверей, и нам опять пришлось спешить, чтобы не заработать очередной выговор за опоздание.

Чувствую себя немощной, когда подруга помогает снять куртку, и в миллионный раз мысленно проклиная эту швабру Артема Савельева. Вот вырос здоровый, а мозгов вообще нет.

– Лиз, а что значит «напиши, какие лекарства, я оплачу»? – спрашивает Лиска, и я зависаю, так и не дойдя три последние ступеньки до второго этажа. Блин. Я так старательно разматывала себя до состояния человека, что даже забыла о том, что сказал этот придурок на крыльце.

– Да ну его. Наверняка хотел перед друзьями повыделываться, – морщусь и иду дальше, пытаюсь собрать пазл в своей голове. Но на самом деле ничего, кроме мысли о том, что слова Артема были показухой, в голову не приходит. Ну а что это могло быть еще? Искренность? Да даже не смешно. У таких, как Савельев, эта функция в организме отсутствует. Либо атрофирована с детства. – Где я ему должна написать? На бумажке? Почтовым голубем отправить? В задницу его, сама все куплю. Как раз в аптеку надо зайти после пар.

– Странные они, хоккеисты эти, – хмурится Лиска, останавливаясь перед дверью аудитории. Ну да, мы и без того

уже опоздали, зачем спешить? Тоже так думаю. – Вот не было их никогда, все прекрасно шло. А тут появились, и хрен сотрешь, со всех сторон лезут!

– Еще и пары с ними теперь два раза в неделю. – Я почти хнычу от понимания. Отчего-то в голове мелькает мысль, что эти идиоты от нас просто так не отстанут. Какого черта только...

Препода еще нет, что играет нам на руку, и мы садимся подальше, скрываясь от всех. На заднем ряду меня, с моим-то ростом, вообще почти не видно, да и Лиску не особо, не такая уж она и высокая. Просто высшая математика это, как бы ни звучало, самый ужасный ужас нашего обучения, поэтому мы с Нежной на пары Николая Степановича приходим поспать на задних рядах под его монотонное бормотание.

Рука все еще ноет, и это дико бесит, но радует то, что ушибла не правую. Переписывать потом все пропущенные лекции за один день мне не хочется, я лучше поскулю и потерплю, но буду вникать в материал по мере его преподавания. Ну... кроме высшей математики, конечно.

Мы почти спим с Лисой, когда стол содрогается от вибрации телефона. Я смотрю на экран, удивляясь увиденному.

– Чего такое? – шепчет Алиса, видимо заметив выражение моего лица.

– Савельев на меня подписался и эсэмэску прислал: «Напиши список сюда, все куплю и отдам тебе после пар».

Мое удивление размером с рост этого самого надоедливо-го Савельева, потому что все предположения, что слова на крыльце были сказаны ради показухи, идут по одному месту. Мне было бы гораздо проще и дальше понимать, что он редкостный козел, чем пытаться разобраться в этом поступке.

– Скажи честно, ты натравила на него Леху и он пообещал оторвать ему достоинство? – Нежнова смеется, но мне не весело. Я не знаю почему, но отчего-то вся ситуация меня... смущает? Возможно. Я не могу понять свои ощущения, если честно, но чувствую себя не расслабленно и спокойно. Я совершенно не хочу, чтобы он мне что-то покупал. Травма моя, значит, и деньги на лекарства тоже мои. В конце концов, не он наехал на меня, а такой же умелец кататься, как и я, так что пусть тот и платит.

Нет, на самом деле мне это просто не нужно. Ну для чего? Чтобы я перестала думать, что он придурок? Так я не думаю, я знаю, его уже ничего не спасет. А быть обязанной ему за что-то я не хочу тем более. Себе дороже.

Поэтому я оставляю сообщение без ответа, выхожу из соц-сети и продолжаю спать, аккуратно устроив ушибленную руку на столе. Потому что мне вообще не нужно иметь какие-то точки соприкосновения с этим Артемом. Мне хватает с ним совместных пар два раза в неделю. Вообще одного раза с головой хватило, так теперь еще и до конца года этого индюка терпеть.

* * *

Пары проходят относительно спокойно, что не может не радовать. Последняя пара дней была настолько насыщена событиями, что обычный учебный день уже кажется праздником, не иначе. Я вообще не понимаю, как живут люди, у которых пожизненно что-то случается. Ну типа... постоянно прям. Потому что, мне кажется, я к такому ритму жизни не привыкла.

Хочу быть ленивым тюленем, а не вот это вот все.

– Лизка, ты сегодня без меня домой. – Алиса помогает намотать мне шарф в сотню оборотов. Мы одни в гардеробной, никто не видит больше моей беспомощности. К счастью. – Мама попросила заехать к бабуле, я давно не навещала. Поэтому ты иди аккуратно, пожалуйста. Там скользко, а у тебя и так рука.

– Рука, да, даже две, – улыбаюсь, потому что эта дурочка иногда чересчур переживательная. – Не беспокойся, мам, все будет в порядке. Я в аптеку – и домой, честное слово!

Лиска смеется, помогая мне надеть еще и куртку, и я в очередной раз понимаю, как мне все-таки повезло с подружкой. Кто бы меня еще вот так запихивал в пуховик, как ребенка, а?

– Ты, кстати, Савельеву отвечать не собираешься? – спрашивает Лиска, и вот теперь мне хочется стукнуть ее по лбу.

– Нет, – мы идем по коридору к выходу из универа. Рука начинает неприятно ныть, самое время выпить обезболивающее, но я уже так укуталась, что точно не до этого. При-

дется терпеть до дома. – Совершенно не хочу, чтобы он что-то мне покупал, пусть это и лекарства. Сама куплю, в конце концов, это ведь и правда не он на меня наехал.

– Технически да, но ведь это он выкатил тебя на лед, и...

– Лис... – Она начинает раздражать, и по моему лицу наверняка это видно.

– Ладно, извини.

Мы выходим на улицу, и Лиска замирает, округлив глаза, а мне почему-то хочется смеяться. У крыльца стоит Егор, опираясь на свою машину, а в руках у него букет! И, судя по его довольной улыбке, ждет он именно Алису, которая как раз очень вовремя вышла из универа.

Алиса

Ну вот только этого счастья мне не хватало. Почему мужики такие придурки? Вот сколько раз нужно отказать, чтобы понял, что не по пути? Еще и розы мои любимые привез, кремовые. Наверняка это тоже его мама спалила. Надо поменьше болтать с клиентами...

Ну почему. Ну почему я, а? Нашел бы себе другую жертву, у нас вон половина универа, кто кидается на шею этим чертовым хоккеистам. Даже парочка молодых преподавательниц найдется, кто тащится от них. Выбор сумасшедший, хоть каждый день новая – как они обычно и делают, – но ему надо было пристать именно ко мне зачем-то.

И стоит, улыбается, как будто я сейчас растаю от его улыбки и побегу навстречу, прыгая в объятия. Да конечно, уже

лечу, раскинув руки. Кретин.

Лиза рядом хохочет, а мне вообще не до смеха. Почему он меня преследует?

– Остаться с тобой? – спрашивает Лизка, и я качаю головой. Не надо. Зачем? Девочка я взрослая, да и напрягать Лизу всякими разборками не хочу, она и так от рук этих хоккеистов пострадала, не думаю, что ей еще и скандалов хочется. Да и кажется мне, что плохого Егор ничего не сделает. Хотя бы потому, что я знакома с его мамой. – Ладно, подруга, раз нам не по пути сегодня, то я пошла в аптеку, а ты будь умницей и напиши мне, когда будешь дома. – Мы чмокаемся на прощание, и я съезживаюсь, когда она отходит. С ней было почему-то чуть легче.

Было бы идеально просто пройти мимо и сделать вид, что Егора не существует, но он стал в самом центре дорожки, так что если бы я и захотела пройти, то делать это нужно было бы по его машине. Ну или голове. И оба варианта меня не устраивают.

– Надеюсь, ты ждешь не меня. – Я, наверное, похожа на стерву, но меня это ничуть не смущает. Складываю руки на груди, придавая своему виду максимальное безразличие, и приподнимаю бровь, ожидая ответа.

– Тебя, Неженка. – Он опять улыбается. Я не понимаю, почему эти хоккеисты всегда улыбаются? Им так весело живет в обличьях придурков, что улыбка с лица не сходит? Мне вот вообще рядом с ним не весело, ни на одну секун-

дочку даже. – Возьми цветы, а? Я от чистого сердца, в качестве извинений за то, что был придурком.

– Что значит «был»? Ты и не переставал им быть. – До общения с Лизой я такой стервой не была, честное слово. Но меня все устраивает, без этой змеи я бы наверняка была более мягкой, а такие придурки, как этот Егор, именно мягкости и ждут. Не тут-то было, дорогой мой.

– В любом случае эти розы тебе, бери. – Он протягивает цветы, и бо-о-оже, как же они пахнут, какие же красивые. Сумасшедшее желание схватить букет – а он большой, в нем не меньше двадцати пяти роз – и зарыться в него носом, вдыхая пьянящий аромат. Я обожаю розы всей душой, а кремовые еще и сердцем, и мне невероятных усилий стоит одарить эту прелесть – не Егора, цветы – равнодушным взглядом и закатить глаза.

– Оставь себе, мне от тебя надо только одно: чтобы ты отстал! Что прилип, а? Куча девчонок вокруг, выбери кого поговорчивее, а меня оставь в покое, правда. И пройти дай.

Надеяться на то, что отвалит так просто, нет смысла, да? Он же тугодум явно, не понял даже после того, как получил коленом между ног. А удар у меня сильный, я точно знаю, я в зал регулярно хожу. Но, видимо, надо было сильнее. И по голове.

– Не могу я, Неженка, понимаешь? Вижу тебя, и сердце заходится, даже дышать тяжело.

– Тогда советую посетить кардиолога. – Я злюсь и хму-

рюсь, а потом разворачиваюсь и обхожу машину и Егора прямо по клумбе. Благо снег, и никаких цветов я не растопчу, но увидел бы наш охранник – в живых меня уже не было бы. Егор вслед кричит, что я красивая, а мне плакать хочется от такой несправедливости. Почему эти мужики считают, что имеют право пользоваться девушками, как вещами? Я прекрасно видела многие его отношения, я слышала рассказы однокурсницы о том, как он бросил ее сразу, как только переспал, я видела, как они смеются над девчонками со своими друзьями и заигрывают с каждой второй. Я верила в любовь, правда верила, пока ее не растоптали и не выкинули в окно, еще и грязью облив. И сейчас, когда я могла бы начать верить в нее снова, влюбиться и утонуть в нежности, на пути стоит тот, кто окончательно эту веру в любовь добивает.

Хорошо, что ему хватает ума не ехать за мной. Я спокойно иду к остановке, сажусь на автобус и еду к бабушке, чтобы есть пирожки с повидлом и не думать ни о каком придурке-хоккеисте.

Лиза

Мне холодно! Иду, руки в карманы засунула, и надеюсь не поскользнуться, чтобы еще и нос не разбить. Пока топаю, в голове прокручиваю заклинания по призыву весны и тепла, а в мыслях уже представляю, каким тоном Лиска будет вечером ворчать мне в трубку на Егора. Вот пристал к ней как банный лист. И нашел к кому! К Нежной, которая всех бабников, козлов и просто кретинов после своего бывшего

на дух не переносит.

Наивный Колосов действительно надеется заполучить мою подружку? Он может получить от нее в нос пару раз и еще раз между ног, это вот точно. Больше – вряд ли.

Иду, задумываюсь, чувствую, как от мороза покалывает не скрытый тканью шарфа нос, и подпрыгиваю от резкого и неожиданного сигнала машины позади себя. Да твою же мать...

Савельев сидит за рулем, наполовину высунувшись в окно, и курит, выпуская сигаретный дым кольцами. Спортсмен хренов. Я стараюсь не обращать внимания на едущую рядом машину, но этот придурок снова сигналит, и я снова подпрыгиваю, чуть не наворачнувшись в снег. Это финиш.

– Да какого хрена? – Я разворачиваюсь изо всей своей никакой силы бью ногой по колесу, на что этот идиот только ухмыляется. – А если бы я опять упала? На другую руку или сломала бы эту, ушибленную? Отвали от меня, Савельев, от тебя одни проблемы, меня уже, без шуток, тошнит при виде тебя.

Ухожу, но с короткими ногами делаю это слишком медленно по сравнению с его машиной. Он едет рядом, смотрит на меня из окна и молчит, скотина, так раздражающе, что у меня начинает кипеть все нутро.

Пожалуйста, Гаврилова, держи себя в руках, просто держи.

– Я просил написать лекарства, – вдруг оживает дылда,

видимо надеюсь, что я буду продолжать диалог. Ага. Иду, молчу, осторожно ступая по скользким дорожкам. Надо пойти в церковь поставить свечку за тепло, вдруг поможет? Я уже во что угодно поверить готова, хоть в бога, хоть в танцы с бубнами и шаманские обряды. – Гаврилова, я с тобой разговариваю.

Нет, ну это вообще наглость уже...

– Я знала, конечно, что ты кретин, но не думала, что настолько. Нажимай педаль своей машинки и шуруй отсюда, длинный, пока я тебе камень в лобовое не кинула.

– Какая ты злючка, – говорит он насмешливо, а я мысленно хлопаю себя по лбу. Где я, деловая такая, собралась камни под снегом искать? Машина за мной не едет, вопли Артема я тоже не слышу, и, как только расслабляюсь, рядом со мной вырастает эта шпала, только теперь без машины и сигареты. – Я сказал, что оплачу лекарства. Ты руку ушибла из-за меня.

– А ты сейчас из-за меня голову ушибешь. Савельев, я сто раз сказала, что мне от тебя ничего не надо. Лекарства сама в состоянии купить, мне не три года.

– А выглядишь на три. – Он смеется, а у меня от нервов мурашки вокруг пупка бегают. Давно меня так никто не раздражал, как этот самоуверенный длинный козел.

– Зато мне не надо пригибаться, чтобы... – Чтобы проходить в дверные проемы, хочу сказать я, но кретин меня перебивает, заставляя злость литься по венам.

– Да ну, пригибаться придется все равно, спина устанет. Я тебе подушечку под колени подложу чтобы повыше было.

– Ты придурок. – Я не хочу больше ничего говорить и вообще ему отвечать. И знать, что шутку я оценила, ему вообще необязательно. Я хмурюсь от боли в руке, но старательно это скрываю и радуюсь, когда вижу аптеку. Нужно выпить таблетку прямо сейчас, иначе притворяться, что у меня ничего не болит, я больше не смогу.

Савельев заходит за мной, молча стоит в очереди из трех бабок и даже усмехается, когда одна из них ругается с фармацевтом. Он просто находится рядом, копается в телефоне, но, когда мне отдают мои лекарства, подносит свой телефон быстрее моего, оплачивая все покупки. Да чтоб его...

Зачем? Зачем ему это надо? Он вообще не похож на нормального человека, который может осознать свою вину и помочь девушке из добрых побуждений. Я вообще ему не верю, да и откуда этой вере взяться? Мы знакомы пару дней, а проблем от него уже выше крыши.

Выхожу на улицу и неуклюже пытаюсь открыть бутылку воды, чтобы срочно запить таблетку. Одной рукой это делать вообще неудобно, и мистер Шпала забирает воду и возвращает мне уже открытую, молча глядя на то, как я принимаю обезболивающее. Он меня напрягает.

– Болит? – спрашивает, и я смотрю на него, приподнимая бровь. Серьезно? Самый тупой вопрос, который я слышала.

– Нет, приятно покалывает, а таблетку пью, чтобы один

придурак от меня отвалил. Скажи, куда перевести деньги, я верну за лекарства. Сколько еще раз повторить, что мне от тебя ничего не надо? – Отправляю покупки в сумку, спускаюсь по ступенькам и падаю. Господи, я падаю! Черт возьми! Кто вообще придумал класть на лестницу плитку? Это же убийство чистой воды! Аттракцион смертельный, как тут вообще ходить можно? Я зажмуриваюсь и за миллисекунду успеваю расстроиться новым травмам, но нос все еще не болит, руки не хрустят, а ступеньки, по которым я должна была скатиться, все еще не впиваются в спину до боли.

Ну не-е-е-ет...

– А если бы не поймал, опять сказала бы, что я виноват? – Одной рукой он хватает меня за талию, ну где-то в том районе, спускает по лестнице и возвращает мне упавшую сумку.

Одной. Чертовой. Рукой.

Мне реально три? Почему он сделал это так просто, словно я и правда маленький ребенок? Теперь он меня еще больше бесит.

– Нет, в этот раз виноват придурак, который решил, что скользкая плитка на ступеньках – это прикольно.

Спасибо говорить я ему не спешу, но и язвить тоже. В конце концов, вторую руку я не сломала сейчас на самом деле только благодаря ему. Будем считать это компенсацией за ушиб запястья.

– Можем вернуться к машине, и я тебя подвезу, а то, судя по всему, ходить одной тебе опасно.

– Не опаснее, чем рядом с тобой, Савельев. Сама дойду.

Главное дойти. А то я ведь и правда убиться могу. Но в любом случае это лучше, чем ехать с ним на машине.

Увольте, я туда даже под дулом пистолета не сяду.

Хорошо, что он просто кивает и сваливает, честно. Наверняка даже рад, что я отказалась. Ему, судя по всему, моя компания нравится так же, как и мне его. Зачем только он этот спектакль с лекарствами устроил, мне до сих пор непонятно...

Алиса

Я почти поняла Лизку и ее нелюбовь к зиме, когда рухнула у самого подъезда в сугроб и насыпала себе кучу снега за шиворот. Холодно, темно, ветер поднялся, а мне выть охота от ощущения ледяных кристаллов у себя на шее.

Я со скоростью света поднимаюсь в квартиру, чтобы скорее отогреться, и радуюсь, что мама уже дома – можно выпросить ее самый вкусный в мире чай.

– Ма, я дома! – Чем-то сладким пахнет просто невероятно, и как хорошо, что я живу с родителями.

– Как бабушка?

– Всю дорогу мне рассказывала про нового ухажера. Дядя Толя из соседнего подъезда начал ходить к ней на чай, представляешь? Вчера, говорит, даже сладости принес.

– Одной сладости, другой цветы. Что за невесты вокруг меня собрались? – Мама смеется, а я хмурюсь, не понимая, о ком речь. Обо мне? Она видела, как Егор пытался вручить

мне цветы? Но когда? Как?

Наконец-то вытряхиваю весь снег, снимаю ботинки и иду за мамой, которая как-то слишком странно улыбается.

– Ма, ты о чем?

– К нам пару часов назад мальчик заходил, тебя спрашивал, но ты была у бабушки, поэтому он цветы просил передать, я у тебя в комнате поставила.

Лечу в спальню и закрываю глаза, заметив на столе букет тех самых кремовых роз. Чертов Колосов!

Глава 5

Лиза

Я не понимаю, почему так некомфортно, хотя и подушка мягкая вроде, и одеяло теплое. Я ворочаюсь в кровати уже добрых два часа, с каждой минутой психую все сильнее. Рука снова немного ноет, мне то холодно, то жарко, то неудобно, то еще что-то. На пары просыпаться через четыре часа, а сна ни в одном глазу. Мы до полуночи проболтали с Лиской по телефону, я хохотала, а она жаловалась на маму Егора, которая спалила сынишке ее адрес. Тот, оказывается, приперся с цветами и даже успел понравиться маме Лиски, хотя как и зачем он это сделал, она не рассказывала.

Я верчусь, встаю выпить таблетку, ложусь обратно, переворачиваю подушку холодной стороной, укладываюсь, смотрю на будильник и вздыхаю: спать осталось всего три часа. Беру в руки книгу, чтобы утомить мозг, читаю про девчонку, которая влюбилась в лучшего друга своего старшего брата,

моргаю, зеваю, моргаю еще раз, прикрываю глаза на секунду и...

И подпрыгиваю от орущего на ухо будильника. Пятого, к слову. Тот будильник, когда забыть можно и о завтраке, и о макияже, и о нормальной прическе. Будильник под названием:

– Нежнова, я проспала, иди без меня, я попрошу Леху отвезти меня!

Алиса

– Ты как обычно. – Улыбаясь подруге в трубку, закидываю в сумку блеск и пудру. Я уже почти готова, а эта клуша только открыла глаза.

Оборачиваюсь, замечаю букет и невольно смущаюсь. Красивый. Я любовалась цветами весь вечер, вдыхала аромат перед сном и засматривалась на них утром. И пофиг, что это цветы от Егора. Это же не его почка. Просто цветы. Рука выкинуть не поднимается, да и зачем?

Натягиваю обувь, спускаюсь по лестнице и параллельно ищу наушники в карманах и сумке, ведь сегодня мое персональное радио приедет на пары с опозданием, поэтому нужно чем-то занять свои уши. Преодолеваю еще два пролета, наконец-то спустившись, открываю дверь и...

– Какого черта ты здесь делаешь?

Стоит. Смотрит, улыбается, щеку чешет в излюбленной идиотской привычке, в своей вечно дурацкой шапке с эмблемой какого-то известного всем, но неизвестного мне фут-

больного клуба. Он смотрит так, словно увидел свою любимую девушку, которая вот-вот побежит в его объятия.

Хочу ли я объятий? Я хочу вернуться в квартиру и совершенно по-женски расплакаться, вспоминая прошлое, пачкая тушью подушку.

– Я задала вопрос.

Я говорю громко и четко, стараясь сохранять самообладание, хотя именно им у меня внутри уже даже не пахнет. Я моментально выхожу из себя.

Мы не виделись, кажется, уже целую вечность, и я бы еще несколько вечностей с ним не встречалась.

Это Сережа. Тот самый бывший, который изменил мне, как только на горизонте в универе замаячила первая короткая и довольно доступная юбка.

– Я приехал к тебе, Лис. – Когда он называет меня Лис, меня тянет блевать. Потому что Лиска я для самых близких людей. А он не близкий. И я все еще не понимаю, какого черта он делает здесь.

– Ко мне? – Он кивает. Супер просто, спасибо. – Мужской маникюр не делаю, советую обратиться в салон красоты за углом, там, кажется, оказывают такие услуги.

Я делаю пару шагов, надеясь быстро уйти, но этот кретин хватает меня за руку, останавливая. Внутри закипает кровь от злости, обиды и разочарования. Зачем он приехал? Мне было так хорошо без него, я почти забыла и даже отпустила, перестала плакать по ночам и пересматривать общие фот-

ки. Так зачем? Ну для чего? Изменил, так имей совесть отпустить и не трогать, дай забыть и пережить спокойно твое предательство.

– Пусти. – Я злая, очень сильно. И от этой злости начинаю немного дрожать. – Я опаздываю на пары.

– Я тебя отвезу, – говорит он, и я заглядываю ему за спину. Машину купил? Мои поздравления, но это вообще не то, что мне нужно. Мне надо, чтобы ты свалил подальше и никогда больше меня не трогал.

Собственно, последнее я произношу вслух.

– Я не могу не трогать, Лис. Я все осознал и соскучился, приехал извиняться.

– Сереж, ты серьезно? – Я стараюсь сдерживаться, но меня уже реально трясет. – Ты мне изменил, а теперь приехал извиняться? – Прищуриваюсь, слышу, как мимо проносится машина, слышу шум ветра и, кажется, даже звук падения снежинок на голову, пока пытаюсь подобрать слова. – Извиняйся перед собой за то, что ты такой кретин. За то, что не уважал себя и свой выбор, за то, что не смог удержать ширинку застегнутой при виде чужой девушки, напрочь забыв о наличии своей. А передо мной извиняться не надо, я тебя давно отпустила.

– Лис, я же знаю, что нет. – Эта ужасная ухмылка... Мне так мерзко от этого. Да за кого он меня принимает? Правда думает, что я до сих пор страдаю? Да я вот прямо в эту секунду напиталась ненавистью к нему настолько, что даже

вспоминать что-то хорошее с ним не хочу никогда больше. – Ты слишком любила, чтобы забыть.

– Ты слишком мудака, чтобы я могла тебя любить и дальше, понятно?

– Что тут происходит? – Господи-и-и, да за что мне это все, а? Рядом с домом тормозит машина, и Егор уже выходит и топает в нашу сторону. Подозреваю, что это именно его машина ехала мимо, пока я пыталась подобрать слова для бывшего. Возможно, он увидел меня, недовольную, и решил вернуться, чтобы прояснить, в чем дело.

– Да все в порядке, я... – Не успеваю договорить, как меня перебивает Сережа, сжимая мою руку чуть сильнее положенного. Мне больно.

– Ты кто такой? Вали, куда шел, – говорит, глядя на Колосова.

– Это мой парень. Егор.

Я говорю быстрее, чем успеваю решить, что собираюсь сказать именно это, честное слово. Я даже не думаю своей головой, что Сережа может полезть драться и я тем самым могу подставить Егора. Я даже не понимаю своей чертовой головой, что если этот Колосов сейчас не подтвердит мою легенду, то я останусь полнейшей дурой, и тогда Сережа от меня точно не отстанет, я просто...

– Малыш, все в порядке?

Но он подтверждает. И, господи, это лучшее, что он делал за последнее время, правда.

Он с гордым видом и, я клянусь, с хитрющей ухмылкой подходит ко мне (и я уже начинаю жалеть о сказанном), пренебрежительно скидывает руку бывшего с моего локтя (а возможно, и не начинаю жалеть) и притягивает меня за талию к себе, но очень осторожно, почти не причиняя дискомфорта.

– Угу. – Я не могу связать и трех слов. Мне хочется хототать от выражения лица Сережи, потому что жажда мести сейчас насытилась просто великолепно. Мне хочется и плакать на самом деле, что он вообще посмел прийти ко мне, зная, как я его любила и как он сделал мне больно. Мне хочется кричать на Егора, чтобы не перебарщивал, и хочется придвинуться поближе, чтобы сделать Сереже еще больнее.

Но сильнее всего мне хочется вернуться в квартиру и плакать. Все еще.

– Парень? – Сережа поднимает бровь, пока я сама пытаюсь переварить все, что тут наговорила. Меня хватает снова только на скупое «угу».

– Что-то не устраивает? – рычит Егор, притягивая меня чуть ближе, немного прикрывая собой от бывшего. Он нависает над ним скалой: злой и, кажется, очень твердой. – Ты кто такой вообще? И какого хера мою девочку трогаешь?

А Сережа молчит. Смотрит на нас, засунув руки в карманы куртки, и молчит. Я не знаю, о чем думает, но ощущение, что он нам не верит.

И, судя по всему, Егор тоже это замечает.

Господи... Что я наделала?

Колосов поворачивается ко мне лицом, наклоняется, заглядывая в глаза, убирает локон, прилипший к блеску на губах, и спрашивает тихо-тихо:

– Он не обижал тебя?

Я только отрицательно качаю головой, так растворившись в моменте, что даже забываю, что где-то рядом, вообще-то, стоит мой бывший, подозревающий нас во лжи.

Мне не нравится Егор. Он слишком наглый, самоуверенный, настырный и... и наглый. Дважды. Еще он не хочет меня слушать, делает все наперекор и не отстает, хотя я прошу. О нем, как и о его дружках, ходит дурная слава. Я лично знакома с парой девчонок, которым этот козел разбил сердце, и это меня очень пугает, потому что я однажды уже страдала от одного такого. Но...

Но эти прикосновения сейчас такие нежные, что я на волне своей злости и желания доказать что-то бывшему забываю вообще обо всем и тупо смотрю в его бездонные голубые глаза, забывая даже дышать.

Егор смотрит еще секунд пять, а потом выпрямляется и оставляет у меня на лбу нежный и до мурашек аккуратный поцелуй... Сумасшествие какое-то.

– Парень, значит, – мысли прерывает Сережа, и я вспоминаю, для кого вообще этот спектакль был устроен.

Егор улыбается, кивает, хватая меня за руку и уводит к машине, а я иду как кукла безвольная, потому что выхода-то

другого у меня и нет... Сама себя в рамки загнала, а Егор быстро ситуацией воспользовался.

– Да, Лис, быстро же ты разлюбила, – доносится в спину, и я застываю. Только не это. Не смей начинать. – На тачку повелась, да? Или на что? Что он там тебе пообещал?

– Не изменять, – кричу не задумываясь, потому что тут дело уже вообще не в Егоре. Тут личная обида, которая все еще жрет меня изнутри, как бы я ни храбрилась и ни говорила, что давно забыла и смогла отпустить все, что болит.

– Он тебе изменял? – шепчет Егор на ухо, и мне хватает тупости легонько кивнуть, подтверждая догадки.

Колосов бросает мою руку, подходит к Сереже, бьет его в челюсть и, когда тот падает со стоном в сугроб, наклоняется и говорит ему:

– Увижу еще раз с ней рядом – убью. И да, тачка у тебя и правда дерьмо.

Лиза

Леха не берет трубку. Очень вовремя. Вылетаю из подъезда все еще сонная, на ходу набираю Лиску, чтобы прикрыла меня перед Леонидычем. Физрук на первой паре всегда злой, а я пока доберусь, уже и пара закончится, и зачета в конце года мне можно не ждать.

– Нежнова, прикрой меня, умоляю тебя, я только вышла из дома, Леха трубку не берет, сейчас буду пытаться вызвать такси. – Я запыхалась и уже устала. Какая мне вообще физра? Верните меня в теплую постельку, я буду самым счаст-

ливым человеком на свете. Но нет же, я бегу, блин, по снегу, пытаюсь разобрать, что там бормочет Лиска. Вдруг понимаю, что забыла выпить таблетку, и только от осознания этого рука начинает болеть сильнее. – Что? Лис, не слышу.

– Говорю, я тоже опаздываю, но ты стой на месте, мы тебя на машине сейчас заберем.

И бросает трубку.

Перед глазами мелькают эмодзи с каменным лицом, потому что... А в смысле – «Мы заберем»? Кто такие «мы» и на какой машине меня собираются забрать? Какого хрена она тоже опаздывает, если двадцать минут назад, когда я звонила, она уже выходила из дома? Что происходит...

Мерзну я меньше минуты, как подъезжает машина Колосова. Егора, елки-палки! Он сидит за рулем с широкой улыбкой, а Лиска рядом, нахмурившись. Я без лишних вопросов усаживаюсь назад, потому что времени выяснять отношения у нас сейчас нет, но эсэмэску о том, что я жду объяснений, Нежной отправляю сразу.

Алиса

Гаврилова своим испытующим взглядом может легко прожечь во мне дыру, честное слово. Она смотрела на меня огромными глазами всю дорогу до универа, а потом еще и по пути до раздевалок, потому что Егор все еще был рядом и рассказать ей все прямо сразу я никак не могла.

– Охренеть... – Гаврилова, застыв в раздевалке в одних лосинах и лифчике, открывает рот и не может связать слов,

когда я рассказываю ей обо всем, что было утром. – И что дальше?

– Мы сели в машину, Сережа так и лежал в снегу, когда мы уезжали. Егор хотел задать вопрос, но я его перебила, сказала спасибо за помощь, и все. Потом ты позвонила, и мы за тобой приехали.

– Мне так нравится это «мы», – хмыкает Лизка, подмигивая, а я только закатываю глаза. – Ну вот что ты так вздыхаешь? Просто говорю.

– Я начну говорить про тебя и Савельева, – мстительно улыбаюсь, замечая, как кривится подруга от одного упоминания его фамилии. – А что такое? Не нравится?

– Не сравнивай. Он цветы мне не дарит, к маме моей в друзья не набивается и от бывших не спасает. – Временно однурукая подруга наконец-то заканчивает переодеваться, и мы идем сдаваться в руки физируку. – Так что не приписывай мне его даже в идиотских шуточках, поняла?

– Ладно, как хочешь. – Мы смеемся, но Лиза вдруг вскрикивает, идя позади. Я поворачиваюсь и вижу, что эта дурочка треснулась большой рукой об открытую дверцу шкафчика и находится на грани того, чтобы расплакаться. – Боже, Лиз, ну как так?

– Не знаю, – она почти всхлипывает, – она и так болит, я таблетку не выпила и с собой не взяла, а теперь тем более.

– Сходишь к медсестре?

– Сначала отпрошусь у Леонидыча, а то он меня точно

сожрет, если я так пойду и на пару не явлюсь.

Но Леонидыча в зале нет, и Лизка уходит в медпункт, так и не отпросившись.

Лиза

Удивительно, что медсестра на месте, потому что чаще всего ее кабинет находится в универе исключительно для красоты. Выпрашиваю таблетку, выпиваю прямо там и иду обратно, надеясь, что препода все еще нет в зале.

Почему таблетки не действуют мгновенно? Рука очень сильно ноет, я сама на грани того, чтобы начать ныть по этому поводу. Заворачиваю за угол к ступенькам и влетаю во что-то огромное и жутко твердое.

– Ты всегда мне прямо в руки лететь теперь будешь?

О, ну естественно. Я же победитель по жизни, тут не мог быть не Савельев, просто не мог быть.

– Иди куда шел, – рычу, толкая его плечом.

– Вообще-то за тобой и шел.

– С какого перепугу? – Настроение на самом деле исключительно дерьмовое. Проспала, не собралась толком, таблетки еще эти, руку ударила... Бесит все.

– Леонидыч велел найти прогульщицу, подружка твоя сказала, что ты за таблеткой ушла. Ты не увлекалась бы, а то, знаешь, зависимость такое дело...

– А ты откуда знаешь? На собственном опыте? – Мне не хочется улыбаться, да и он не горит желанием. Сунул руки в карманы своих спортивных и идет вразвалочку. – Рука болит,

а таблетку выпить забыла. – Не знаю, зачем ему эта информация и зачем я решаю ему это сообщить, но, раз уж идет рядом, пусть терпит.

Он молчит, и я не знаю, что отображается там у него на лице. Я просто иду, стараясь еще куда-нибудь этой много-страдальной рукой не влететь, и проклиная внушительные размеры университета, потому что мы идем рядом слишком долго. Мне много Савельева, очень много.

– Нашлась, – ехидно говорит Максим Леонидович, когда я захожу следом за Савельевым. – И где гуляла?

– Я не гуляла. Я была у медсестры, но вас не нашла, чтобы отпроситься.

– Скажи мне, Гаврилова... – Он подходит ко мне, глядя с недовольством. Ой, боже... У меня такого недовольства целые горы. Я тоже продемонстрировать могу. Еще и с удовольствием. – Когда ты начнешь нормально относиться к моим занятиям? Десять кругов бегом, и останавливаться нельзя!

– Максим Леонидович, а у меня рука вот, – показываю поврежденную конечность, надеясь на благоразумие препода. Запястье все еще очень болит.

– А у меня две. И ноги вот еще. И ничего, бегаю. – Он улыбается неприятно очень, и я понимаю, что спорить с ним бесполезно.

– Максим Леонидович, да пусть на скамейке сидит, давайте заниматься уже!

Саве-е-ельев.

Ты меня достал.

Он подходит к нам с физруком, какой-то сильно уж недозвольный.

– Знаешь, Савельев, – говорит препод, крутя на пальцах свисток, – заступаться нужно и стоит только за свою даму сердца. Все остальные – чужие и неблагодарные.

Проходит, кажется, вечность, прежде чем Савельев говорит:

– Так она и так дама моего сердца!

– Что? – говорю я.

– Что? – оживает Лиска, из другого угла спортивного зала поворачиваясь в нашу сторону.

– Что-о-о? – пищит еще пара девчонок из нашей группы, округляя глаза.

– Что?.. – шепчу я снова, пытаюсь переварить и понять, что мне дальше делать со всем этим спектаклем. В принципе, выбор невелик – я убью Савельева. Убью.

Но как только я открываю рот, чтобы наорать на него и высказать все, что я о нем думаю, он...

...закрывает мне рот поцелуем. Что...

Глава 6

Лиза

Мои руки потеют, а разум с каждой секундой затуманивается все сильнее. Савельев целует меня, склонившись в половину своего роста, наверное, держит за талию и не оставляет никакого другого выбора, кроме как ответить ему. Я

краем сознания слышу возмущения физрука, охи и вздохи девчонок из группы, чувствую, как Нежнова стоит с открытым ртом, но оторваться какого-то черта просто не могу.

Или не хочу?

На самом деле я и правда даже не пытаюсь, просто целую в ответ, встав на носочки и обняв Тему за шею. Он целуется как чертов бог, а в моей практике таких искусных поцелуев еще никогда не было, и не ответить было бы просто кощунством.

Внизу живота стремительно теплеет и меня это дико пугает, но я, черт возьми, не прекращаю целовать Савельева. Этот спектакль для препода уж слишком затянулся, и, возможно, мне только кажется, но Артем тоже не спешит прерываться.

Сама не ведаю, что творю, но прижимаюсь еще ближе к парню, чувствуя, как он отрывает меня от пола. Господи, что я делаю... Это же Савельев. Бесячий придурок-хоккеист, который постоянно несет какую-то чепуху, пользуется девчонками и строит из себя невесть что. Тема, из-за которого я повредила руку и теперь сижу на таблетках, чтобы не скулить от боли. Артем, которого... которого я целую, черт возьми.

– Держись крепче, – шепчет, на секунду разорвав поцелуй, и тут же поднимает меня, а я машинально обнимаю торс ногами, как будто всю жизнь так и висела на нем. Что происходит – не соображаю, просто продолжаю целовать, и все. Вся злость, что копилась внутри на этого придурка, вылива-

ется в страсть, пока он несет меня на руках в раздевалку, не обращая внимания на гул студентов и возмущение Леонидыча.

Это просто какое-то сумасшествие, у нас обоих поехала крыша, не меньше! И если Теме так поцеловаться и заняться сексом с первой встречной нормально, то я, вообще-то, стараюсь подобные вещи не практиковать. А тут Савельев, весь такой деловой, так целуется круто, что я просто теряю голову.

Он заносит меня в раздевалку, прижимает к стене и начинает целовать шею, чуть прикусывая кожу. С губ срывается стон, я успеваю подумать, что пожалею об этом, но поднимаю руки и зарываюсь пальцами в отросшие на затылке волосы Савельева, вдруг вскрикнув от боли в руке...

– Черт!

– Что такое? – Мама залетает в комнату, пока я не понимаю, где сон, а где реальность. Рука болит неистово, кажется, я треснулась во сне об стену или тумбочку, пока мой мозг показывал картинки, которые никто никогда не должен был видеть. Руки трясутся, сердце колотится, даже дыхание сбитое после такого сна. Приплыли, Гаврилова, доброе утро!

– Да рукой ударилась, – нелепо улыбаюсь маме и мечтаю поскорее принять душ. Похолоднее желательно. Мама просит меня быть аккуратнее, добавляя, что это все равно бесполезно, и уходит, оставляя меня наедине с мыслями.

Пока стою в душе, прокручиваю в голове реальность, про-

изошедшую на паре с Савельевым. Мне вообще не нравится, что мозг подкидывает такие ночные сюрпризы после всего, что там было, хотя, честности ради, целуется Артем действительно хорошо. Ну, с количеством девчонок, которых он целовал, неудивительно.

«— Савельев, какого хрена? — Я оторвалась от него спустя секунд пятнадцать этого показательного поцелуя, и то с трудом. Этот козел просто положил мне свою огромную ручищу на затылок и не давал сдвинуться ни на миллиметр, нагло врываясь в мое личное пространство своими губищами. Кто разрешал вообще трогать неприкосновенное?»

— Спасая тебя от занятий. — Он как-то странно усмехнулся, зачем-то еще раз чмокнул меня и повернулся к физруку со словами: — Видите, Максим Леонидович? Моя. Пусть посидит, от нее все равно на паре толку мало будет.

А я что? А я села. Решила, что истерику по поводу выхода закачу ему после пары, потому что палиться, что этот придурь все придумал, уже было бы глупо. Физрук у нас странный, на предмете помешан, поэтому бегала бы я все двадцать кругов, а с этим козлом, выходит, просто так целовалась бы. Ну нет уж, пусть пойдет на благое дело, раз уж затеяли...»

Умываюсь и вспоминаю, как подошла к Савельеву после пары, чтобы выяснить, с чего он вдруг решил, что ему все можно, но он просто улыбнулся, щелкнул меня по носу, как ребенка, сказал какую-то чушь и свалил, даже не обернув-

шись. Вроде как: «Ну, ты же говорила, что я с рукой виноват, вот выбил тебе освобождение от физры до конца лечения, радуйся». И ушел! Нет, просто взял и свалил, не дал даже слова сказать. Мой характер в ту секунду просто забился в уголок и заплакал горькими слезами, потому что, несчастный, даже не успел себя проявить.

Меня Нежнова потом до самого вечера доставала, пытаюсь понять, почему после всего Савельев все еще ходит по универу, а не лежит в травматологии с переломанными ногами.

А я не знаю. Видимо, его наглость просто ввела меня в такой ступор, что я даже не до конца осознала, что происходит.

Собираюсь на пары, радуясь, что сегодня физры не будет, а значит, и смотреть на этого кретина по имени Артем мне тоже не придется. Вообще, этот идиотский сон меня немного подкосил, хотя я опять не понимаю почему... Просто картинка была слишком реальной, и теперь у меня все это мелькает перед глазами, словно реальность и была такой. Упаси боже. Я бы ни за что не позволила случиться этому в жизни. А сон... Ну потому что его выходка была достаточно неожиданной, поэтому мой мозг и сошел с ума. Да. Определенно.

Алиса

Я, кажется, впервые за долгое время не спала всю ночь. Сначала работала почти до полуночи, потому что не рассчитала время и по глупости записала четырех девочек на маникюр, а потом крутилась всю ночь, не понимая, что мне мешает.

На самом деле понимая.

Сегодня ко мне записана мама Егора, но вот сам Егор... Он меня напрягает. Я не знаю, как охарактеризовать происходящее между нами, но явно что-то происходит, и молчать нельзя. Именно поэтому у меня в планах сегодня все обсудить с Лизой, у которой тоже наверняка есть что мне рассказать. Вчера нам не особо болталось после физры, хотя, бесспорно, мы успели высказать недовольства друг другу по поводу несчастных хоккеистов. То Савельев достает ее, то Колосов не дает прохода мне. Издевательство какое-то.

А Егор еще и избегал меня весь день вчера, поэтому обсудить мы ничего не успели. Отвез нас с Лизкой в универ, на физре вел себя тихо и примерно, а потом и вовсе куда-то пропал. Не хватало еще, чтобы он надумал что-то, чего надумывать не стоило бы. Я сказала Сереже, что Егор мой парень, потому что в тот момент не соображала, что творю, а не потому, что это мои тайные фантазии. А что мне было делать? Конечно, я так скажу. Приехал весь такой из себя на своей дорогой тачке, а кто не хотел бы бывшего унижить? Нет, расстались бы мы нормально – я бы не стала, но его измена подкосила слишком сильно. Поэтому и ляпнула первое, что пришло в голову, чтобы позлить его и показать, что я живу дальше, а не убиваюсь по нему уже черт знает сколько времени.

И даже то, что я убивалась очень долгое время, ему знать необязательно.

Только из-за ситуации я позволила Егору меня трогать, чтобы доиграть до конца и не ударить в грязь лицом. Исключительно из-за ситуации.

Встаю я с трудом, но хорошо, что вообще встаю после бессонной ночи. Голова раскалывается на части, но пары не отменял никто. Решаю затащить по пути в универ Лизу в кофейню, чтобы купить самый огромный стакан кофе и благодаря ему дожить до конца дня. Надеюсь, он спасет.

Спускаюсь по лестнице, набираю Лизку, но она, как обычно, трубку не берет. Ладно. Через пару минут она должна стоять у меня под подъездом, поэтому просто пойду навстречу, и все. Замечу на горизонте смешного снеговика, это и будет Лизка.

Открываю дверь и опять застываю на месте. Это что, шутка какая-то? Вчера Сережа, сегодня Егор. А можно мне Лизу, пожалуйста? Больше никого не надо. Мою неуклюжую Гаврилову, которую я буду держать под руку весь путь до универа, потому что она будет падать на каждом даже немножечко скользком участке. Я хочу просто идти на пары и хохотать во всю с подругой, а не бегать от бывшего и от... и от Егора, короче.

– Привет, Неженка. – Он опять улыбается. Постоянно улыбается, хотя я вообще не понимаю, что так сильно его радует. Говорила же, что он странный, скажу еще раз. Странный он.

– Что ты здесь делаешь? – Я делаю каменное лицо, наде-

сь, что по одному виду будет ясно, что я ему не рада.

– Приехал забрать тебя на пары. – Он пожимает плечами. И правда, чего это я глупость такую спрашиваю. – Сегодня холодно, ты ходишь без шапки, а я не хочу, чтобы ты заболела, поэтому...

– Колосов, вот скажи мне, ты серьезно? – Я злюсь. Бессонная ночь накладывает отпечатки на мое настроение, а при виде Егора я в принципе никогда не бываю радостной. А он стоит, смотрит, как будто и правда серьезно.

– Конечно серьезно, Неженка моя. – Он подходит слишком близко и обнимает меня за плечи одной рукой. Здравствуйте, приехали, этого только мне не хватало. – Я серьезно не хочу, чтобы ты заболела.

– И с чего тебе вообще не все равно на это? – скидываю руку Колосова, а он внаглую кладет ее обратно на плечо, даже не обращая внимания на мое фырканье. Выглядываю из-за Егора, надеюсь заметить Лизку, чтобы было куда сбежать без причины, но на глаза попадается... Сережа. – А он тут снова что делает... – говорю вслух, чувствуя, как Егор напрягается, сразу поняв, о ком идет речь. Он прижимает меня к себе крепче, и я понимаю, что опять, черт возьми, опять не могу сопротивляться из-за глупой ситуации!

– Ну что, Неженка, поддержим легенду? – Он шепчет мне на ухо и целует в лоб, обнимает и чуть прикрывает меня собой. Господи, ну где же я так нагрешила-то... – Я не понял, ты какого хрена снова тут забыл? – говорит он громче

и уже гораздо грубее, когда Сережа подходит ближе. Я молюсь всем существующим и несуществующим богам, чтобы встреча не закончилась дракой, как прошлая, потому что такого веселья мне точно не нужно. Меня накрывает небольшая паника, когда замечаю у Сережи пластырь на переносице, и чувствую, что Егор сжимает руки на моих плечах чуть сильнее, чем стоило бы.

И, господи, я буду жалеть об этом еще сотню раз, если не тысячу, я точно знаю, но я поднимаю руки и обнимаю Егора за талию, утыкаясь носом в его шею. Поддержать легенду? Да. Успокоить Егора? Охренеть, конечно, но да.

Да я умом тронулась...

Но Егор расслабляется, даже выдыхает медленно и долго, что дарит мне надежду на спокойный разговор с Сережей. Я совершенно точно сошла с ума, но так и продолжаю стоять, прижавшись к Егору, а в сторону бывшего даже не смотрю. М-да.

– Успокойся, герой-любовник, я снял тут квартиру и просто пришел домой, – говорит Сережа, и мое сердце падает в пятки. Снял квартиру?! Этого счастья мне только не хватало! Ну почему? Ну почему это все происходит со мной? – Хотя, честно признаться, вчера я подумал, что вы оба разыграли передо мной дешевый спектакль. Сейчас вижу, что вы и правда вместе.

О. Мой. Бог.

Егор хмыкает, целует меня в макушку, а я все еще, блин,

его обнимаю! Вызывайте «Скороую», Нежнова Алиса Сергеевна совершенно точно тронулась умом.

Стою, чувствую, как Колосов оставляет на макушке еще парочку поцелуев, жду, пока хлопнет дверь подъезда, а потом отстраняюсь, стесняясь смотреть на Егора. Втянула его в спектакль, но он, кажется, даже рад такому повороту событий. Только вот мне что делать? Отвергаю его, а потом нос грею в шее, чуть не замурлыкав от теплоты его кожи. Боже-е-е, да что ж со мной такое происходит...

– Слушай, я... – А что вообще говорят в таких ситуациях? Спасибо за помощь, но дальше нам не по пути? Или как? Его лицо слишком счастливое, даже обламывать жалко. – В общем, ты же понимаешь, что этот спектакль только для бывшего, и спасибо тебе, правда, большое за помощь, но...

– Ты так вкусно пахнешь, Неженка, – перебивает, и я замираю, так и не договорив до конца. – Скажи название духов, а? Куплю флакон и буду подушку пшикать, чтобы засыпать с твоим запахом.

– Колосов...

– Что? Слишком ванильно? Я не виноват, это только с тобой у меня так получается. – Ну он опять улыбается, ему к психотерапевту надо. Закатываю глаза на такой милый и глупый подкат, а потом смотрю на парня, не зная, что и говорить. И есть ли смысл вообще разговаривать?

Гляделки прерывают звонок телефона и ржущая в трубку Гаврилова, которая свалилась у подъезда на льду и отбила

себе копчик. Господи.

– Поехали за подружкой? – хохочет Егор и открывает пассажирскую дверь, приглашая меня внутрь. Да чтоб тебя!

Лиза снова смотрит на меня с прищуром, когда садится на заднее сиденье машины Егора, снова присылает мне эс-эмэску, что ждет объяснений, снова прячет улыбку, когда я смотрю на нее в зеркало заднего вида. Эта коза меня достанет, честное слово, хотя и сама еще не до конца рассказала, что у них происходит с Савельевым, раз он так просто перед своими фанатками из нашей группы берет ее и целует.

Замечательно, что универ находится недалеко и нам не приходится ехать в молчании кучу времени, потому что даже эти пять минут оказываются слишком напряженными. Колосов паркуется и, когда я тянусь к ручке двери, блокирует замок, оставляя меня внутри. Гаврилова, конечно же, успевает выйти. Чертова поворотливая коротышка, зачем так быстро?

– Егор? – поворачиваюсь к нему, не понимая, что можно от него ожидать. А вдруг приставать начнет? Тогда я ему этого точно никогда не прощу. Сейчас я пытаюсь сохранять с ним хотя бы человеческие отношения зачем-то, но, если он распустит руки, сразу пойдет на все стороны.

– Неженка, слушай и не перебивай.

Он не улыбается. Мне страшно. Что такого хочет сообщить, что не улыбается, а? Решаю перебить и договорить то, что не договорила у подъезда. К черту.

– Колосов, послушай лучше ты. Спасибо за помощь с быв-

шим, уверена, он лезть ко мне больше не будет, но хватит. Ходить за мной больше не надо.

– А я и не буду. – Он пожимает плечами, и я приподнимаю бровь. Как понимать? Чего таскается тогда за мной? На секунду даже успела обидеться, что так просто и быстро от меня отказался, пусть это и является моей заветной мечтой, но все-таки. – Не буду ходить, Неженка, я ездить буду. По крайней мере, пока холодно. Говорю же, не хочу, чтобы ты болела. А не все равно мне потому, что ты мне нравишься.

Да твою ж мать, а?

Лиза

Выхожу из машины и замечаю хитрющий взгляд Колосова, который не сулит ничего хорошего. И да. Он блокирует двери машины, Алиса не может выбраться. Вот кобель, а? Скандал закатывать не решаюсь, потому что, если что-то пойдет не так, Лиска сама рот откроет и закричит громче пожарной сирены. Решаю подождать на крыльце, все равно без нее внутрь не пойду. До начала пар еще минут тринадцать, время есть, поэтому я максимально осторожно поднимаюсь по ступенькам и останавливаюсь на площадке у входной двери. Дышу морозным воздухом, дрожу от холода и зарываюсь в любимый огромный шарф еще глубже, оставляя не скрытыми тканью только глаза. Выгляжу, наверное, как крокодил, который охотится, но вообще плевать, если честно. Мне холодно, и я буду делать все, чтобы хоть немного согреться.

Не успеваю я даже пропеть в голове припев песни, кото-

рую услышала с утра из какой-то мимо проезжающей тачки, как на своей черной красотке подъезжает Савельев. Машина у него и правда что надо, в отличие от него самого. Бесит до ужаса. Выходит, весь такой деловой, волосы поправляет, сигареты из кармана достает, и... поднимается на крыльцо и останавливается рядом со мной. Спасибо.

– Будешь? – Он сразу же протягивает мне сигарету.

– Не курю. – И вдруг я ловлю себя на мысли, что мне неловко на него смотреть. Черт! После этой ночи и того самого сна при взгляде на Артема у меня просто перед глазами всплывают картинки сновидения, в котором мы вытворяли вещи, которые случиться не должны были. Спасибо, что я треснулась рукой и проснулась! Если бы досмотрела сон, наверное, и вовсе со стыда бы тут рядом с ним сгорела. Где, блин, эта Нежнова? Пусть выбегает из царства своего Колосова, и мы уже пойдем на пары. Меня напрягает тут стоять.

– Правильно, курить вредно. – Он не затыкается, а я просто стараюсь смотреть куда-нибудь, кроме него. – Особенно таким коротышкам, как ты.

– Лучше быть коротышкой, чем длинным и тупым придурком. – Пока говорю это, к нам поднимается Антон, которого я успела наградить званием самого адекватного из шайки хоккеистов. Он здоровается с Артемом, даже кивает мне и улыбается, тоже прикуривая сигарету. Спортсмены, блин.

– Вы, как обычно, кусаетесь, да?

– Вчера, по-моему, они целовались. – Кто-то третий из

придурков вышел из универа тоже покурить перед парами. Я краснею, бледнею, когда он упоминает произошедшее на физре, радуясь, что мои алые щеки прикрыты шарфом, и проклиная эту сладкую парочку, что никак не собирается выходить из машины и спасти меня! – Я же ничего не путаю?

Что со мной такое? Краснею, как будто в меня Нежнова вселилась. Докатилась, блин, уже даже ответить ничего нормального не могу, потому что одного взгляда на Савельева хватает, чтобы вспомнить... Стоп! Хватит.

– Целовались, возьми медальку за наблюдательность и больше не наблюдай, – выдавливаю из себя самую стервозную улыбку в мире, а потом понимаю, что она прикрыта шарфом. Ну и ладно. Яда в голосе хватило. – Вроде вымахали длинными, а мозгов от этого не прибавилось.

– Ой, да ладно тебе, все девчонки любят высоких парней, – говорит снова тот, кого я не знаю и знать не хочу. Он меня уже больше Савельева бесит. – Вот тебе какой рост у парней нравится?

Тема хмыкает, выпускает сигаретный дым неестественно ровными колечками, а я на секунду теряюсь в пространстве, залипнув, потому что эти губы во сне... Нет! Нет-нет-нет!

– Карьерный, – закатываю глаза, наконец-то отвиснув. В голове, кроме нецензурных выражений, ничего не остается, только пустота и звуки сверчков. Я не понимаю, какого хрена со мной происходит, вижу, как Артем странно смотрит на

меня, благо не говорит ничего.

Пока парни одобрительно оценивают мою шутку, так и не поняв, что я не шутила, на пороге появляется наш физрук. Ох, господи, сегодня пятница три- надцатое? Затмение? Луна в созвездии издевательств?

– Ты бы, Савельев, не курил возле дамы своей, да и вообще завязывай, спортсмен ведь. Ей же потом с тобой целоваться противно будет.

И вам доброе утро, Максим, чтоб вы жили сто лет, Леонидович!

Алиса

Мы с Лизкой решили прогуляться после пар. У меня до клиентки оставалась еще пара часов, и я всеми правдами и неправдами уговаривала Лизку погулять со мной, обещая ей пирожные, кофе и держать за руку на протяжении всей прогулки, чтобы она не свалилась. Уговоры были долгими, но продуктивными, и уже через двадцать минут после третьей пары мы сидим в кофейне, в которую так и не попали в прошлый раз из-за травмы Лизы. Из окон виднеется тот самый каток, отчего-то сегодня закрытый, что так радует Гаврилову, будто ее кто-то мог бы заставить идти кататься.

– Итак... – начинает Лизка, когда мы наконец-то садимся и заказываем напитки. Пары сегодня были сложные и плодотворные, поэтому поболтать нам почти не удалось, хотя и очень хотелось. – Он сказал тебе, что ты ему нравишься, а ты что?

– Сказала ему, что не верю. – Прикусываю губу, вспоминая расстроенное лицо Егора, когда выдала ему эту правду. Нет, ну а что? Я на самом деле не верю ему. В честь чего? Еще пару недель назад наша одногруппница плакала прямо на паре из-за разбитого им же сердца, а сегодня я должна поверить в искренность его намерений? Ну уж нет. У таких бабников не бывает искренности, пусть мне где-то в глубине души приятны его ухаживания. – Он расстроился, молчал, а потом спросил, смогу ли я ему поверить, если он будет стараться.

– Ну слушай, Колосов не кажется таким уж козлом, как его дружок. По крайней мере, благодаря ему мы не топаем в универ пешком уже второй день, – Лизка загибает палец на здоровой руке, – к тебе не лезет бывший, и что-то мне подсказывает, что уже и не полезет, – загибает второй и хитро улыбается, – у тебя в комнате стоит букет твоих любимых цветов, – третий палец, – и тебе нравится, что он не отваливается, потому что ты светишься!

– Я просто купила новый хайлайтер, – фыркаю. Не хватало мне еще такой подставки от подруги.

– Ага, конечно. Я не говорю прыгать к нему в койку завтра, Лис. Я говорю просто присмотреться. Почему нет? Он, кстати, точно лучше твоего Сережи будет.

– Он не мой.

– Благодаря Егору. Не было бы Колосова, ты бы уже этого придурка простила. Ты знаешь, как я ко всем к ним отно-

шусь, и знаешь, что за тебя порву кого хочешь. Просто посмотри. – Она улыбается как-то хитро и кивает в сторону окна, а я хмурюсь. Только не говорите, что там...

– Егор.

Стоит, смотрит на меня и опять улыбается. Судя по всему, у них тренировка на этом катке, потому что их целая толпа и у всех с собой снаряжение. И пока другие парни шнуруют коньки, Колосов смотрит на меня через окно, а я невольно улыбаюсь в ответ. Что мне делать-то с тобой, а, Егорушка?

– Ну вот, испортила парню тренировку, будет теперь плясать на тебя всю дорогу. – Лизка ржет, а я готова убить ее одним взглядом. Потом замечаю какого-то слишком уж беззаботного Савельева и вспоминаю, что мы еще не обсудили.

– Ничего, Колосов переживет. А Савельев что? Вы сегодня на крыльце не обсуждали произошедшее? Или то, что он вчера сказал, это все?

– Угу. – Гаврилова краснеет, отпивает кофе, отламывает кусочек пирожного, съедает его... Что-то не так.

– Лиз? Что-то случилось?

– Ох, Лиска. – Она вздыхает и мельком смотрит в окно. Догадываюсь на кого. – Мне такой сон приснился...

Глава 7

Алиса

Невозможно спокойно сидеть в кофейне с подругой и есть пирожное, когда через окно на тебя смотрит один надоедливый красавчик, который не дает прохода уже целую веч-

ность.

Шутки шутками, но Колосов, как специально, с меня глаз не спускает. Лизка хохочет всю дорогу, когда он то шмякнется на льду, потому что не заметил чужую ногу, выставленную вперед, то получит от тренера за невнимательность. Я краснею все время, что мы сидим в кафешке, а Лиза продолжает меня смущать, смешно комментируя действия Колосова.

В итоге мы решаем уйти, потому что «на благоверного твоего так орет тренер, что команда рискует остаться без него». Он, конечно, не мой благоверный, но быть той, из-за кого его могли бы выгнать из команды, я не хочу.

– Лиз, когда это случилось? – Мы медленно топаем домой, потому что расставаться совсем не хочется. – Тебе снится секс с Савельевым, от меня Колосов не отлипает...

– Начнем с того, что до секса у нас так и не дошло, – смеется Лизка, поправляя двухсоткилограммовый шарф у носа. – И это был просто сон, ничего больше.

– Угу. – За хитрую улыбку, подаренную в ответ на ее реплику, Гаврилова ударяет меня в плечо.

– Ну что «угу»? Он не в моем вкусе, это раз. И два – в его вкусе половина города, которую он уже затащил в постель. Мне такое счастье точно не надо, к нему опасно даже приближаться, там, наверное, заболеваний целый вагон. А вот Колосов твой...

– Да не мой он! – Собрались две дуры. Навязывают друг другу мужиков, а потом обе их отвергают.

Но я понимаю Лизу. Савельев тот еще козлина. Как и его дружок. Два сапога пара. Только первый еще и хам редкостный.

– Ладно-ладно, не твой, не сердись, Неженка. – Она коверкает это прозвище, пытаюсь спародировать голос Егора, и, когда я уже готова прибить ее, убегает, громко смеясь. Но это же Гаврилова. Она и бег по снегу – это совершенно несовместимые вещи. Она поскользывается и падает боком прямо в сугроб, закопавшись в нем по самые уши. – Я жива, – поднимает руку, и я тут же сгибаюсь пополам от смеха. – Чертова зима! Когда уже лето?

Она выбирается с трудом, а я, умирающая в истерике, так и не успеваю ей ничем помочь. Просто хохочу как ненормальная, ощущая на щеках обжигающие слезы от смеха.

– Пора заводить себе личного водителя, – говорит Лиза. – Меня когда-нибудь эта зима добьет.

Я наконец-то успокаиваюсь и помогаю подруге избавиться от лишнего снега на одежде. Мы как раз дошли до развилки, где я обычно сворачиваю к себе, а она идет чуть дальше, и я, обняв на прощание Лизку, тихо шепчу ей на ухо:

– Заведи личного Савельева, у него как раз тачка есть, – смеюсь и убегаю подальше от разъяренного гнома, но Лиза не была бы Лизой, если бы не ответила колкостью:

– Заберу себе Колосова! Тебе не нужен, а я хоть в тепле буду на пары ездить. – Она подмигивает мне и уходит, хитро улыбаясь. Вот же засранка.

Эти намеки по поводу Егора... Лиза никогда не говорила бы все это беспочвенно. Нет, я понимаю, он действительно постоянно рядом, дарит цветы, возит меня на пары, но почему она верит ему, если он такой же, как и Савельев, который ее раздражает? Они лучшие друзья, всегда вместе: и на хоккей пойти, и разбить сердце очередной влюбленной дурочке. Ни один, ни второй никогда не заботились о чьих-то переживаниях. Меняли девчонок как перчатки и радовались жизни. Мы, конечно, никогда не общались с ними, но ведь учимся в одном заведении, я многое видела. Да все видели! У меня однажды клиентка на маникюре расплакалась, потому что Колосов ее по СМС бросил.

И почему я теперь должна верить ему?

После измены Сережи я вообще не склонна никому доверять. А такому бабнику – тем более.

Иду домой, слушая приятный скрип снега под ногами, думаю о своем, когда знакомый голос вырывает из мыслей. Только вспоминала...

– И тебе привет, – отвечаю на приветствие бывшего и хочу пройти мимо, но он снова заставляет остановиться. Хорошо хоть, не трогает больше, что бесконечно радует.

– Правда так втрескалась в своего белобрысого, что забыла все хорошее, что было между нами?

Выдыхаю и стараюсь не сжать кулаки от нервов. Он как будто издевается надо мной. Да весь мир словно издевается!

– Сереж, все хорошее, что было между нами, ты пере-

черкнул изменой. Не пытайся переложить ответственность на мои плечи, хорошо? И я все-таки пойду, мне нужно работать. – Разворачиваюсь, чтобы уйти, но бывший решает, что его слова мне сейчас очень нужны. Словно они что-то изменяют.

– Лиска, я же правда сильно люблю...

«А я Егора люблю», – вертится на языке, но произнести такую наглую ложь даже во благо не могу. Наверняка он бы отстал после этого, но... Не могу. Не люблю ведь.

Ухожу молча, надеясь, что за мной Сережа не пойдет, и выдыхаю, только когда оказываюсь в квартире. Это выглядит как какой-то глупый прикол. Он каждый раз встречает меня у подъезда, словно специально ждет, когда я появлюсь.

Мы с Сережей были вместе очень долго, и я любила без памяти, правда. И его наглость сейчас, когда я только перестала плакать ночами из-за измены... Она убивает. Потому что я не понимаю, как можно быть таким безразличным. Почему он решил, что сейчас мне нужны его чувства? Или правда думал, что увижу его и кинусь в объятия?

Я, конечно, кинулась. Не к нему только.

Чертов Колосов...

Убираюсь на рабочем столе и отчего-то волнуюсь. Мама Егора должна быть через полчаса, а у меня полное ощущение, что не ко мне придет человек, а я к нему. Причем на допрос.

В последний раз мы с ней виделись на катке, когда Лизка

упала на руку, а Егор зажал меня у бортика, надеясь на поцелуй. Он тогда, кажется, сказал маме, что я на него внимания не обращаю, когда она посоветовала к «такой хорошей девушке» присмотреться... Короче, в любом случае будет неловко.

Светлана Сергеевна абсолютно прекрасная женщина, но вот сын ее... Бесит, короче, да и все.

Полчаса в ожидании тянутся мучительно долго, но, когда по квартире разносится звук дверного звонка, сердце отчего-то стучит гораздо быстрее, чем стоило бы. Есть полное ощущение, что Егор говорил маме обо мне что-то еще, и незнание того, что именно, немного напрягает.

– Здравствуйте, Светлана Сергеевна. Проходите. – Закрываю за женщиной дверь и помогаю снять пуховик. Ей не больше сорока пяти, а выглядит и вовсе чуть ли не на тридцать.

– Спасибо, Алисонька. Как твои дела? – Мы проходим в комнату, и мама Егора тут же обращает внимание на букет, хитро улыбаясь: – Красивые.

– Да, очень.

Какова вероятность, что она в курсе, от кого эти цветы? Судя по улыбке, стопроцентная. Смущаюсь и чувствую, как щеки заливают краской, неловкость восьмидесятого уровня.

– Надо будет сказать поставщикам спасибо. Цветы до сих пор как только срезанные.

– Извините?

– Это я собирала букет. – Она улыбается. – У меня свой цветочный, я тебе рассказывала.

Господи... Точно. Она ведь говорила мне, что у нее два магазина. Когда-то она сказала мужу, что он дарит ей слишком мало цветов, и он, чтобы успокоить душу любимой женщины, подарил ей целый магазин. Я помню, как улыбалась, когда она рассказывала эту историю. Ну прелесть же? И цветы подарил, и бизнес. По-моему, идеально.

– Ну, тогда спасибо вам за букет. – Боже, эта неловкость... Она когда-нибудь сведет меня с ума, правда. Со Светланой Сергеевной всегда было просто и спокойно, но сегодняшний день убивает. Вот Колосов... Все портит.

– Это не мне спасибо, а Егору. Цветы сам выбирал. Ты хоть любишь такие?

Если я сейчас скажу ей, что кремовые розы люблю больше всего, то она начнет улыбаться еще хитрее. Или я уже говорила ей это в разговорах, но просто забыла? Тогда понятно, каким образом Колосов так четко попал с букетом.

– Да, они очень красивые, – достаю материалы, обрабатываю руки и думаю, как бы скрасить нагнетающую тишину, но Светлана Сергеевна, кажется, совершенно не смущается. Конечно, она же не знает, в каких отношениях я состою с ее сыном. Наверняка думает, что мы дружим, а он за мной просто ухаживает. Как сказать ей, что на самом деле я не верю ему, потому что он дикий бабник, но использую в корыстных целях, чтобы отвадить от себя бывшего?

Блин. И чем я лучше Егора? Да ничем!

– Когда Егор был маленький, он постоянно приносил домой цветы. Правда, потом ко мне приходили ругаться соседи... Он обрывал все клумбы в округе, представляешь? Его ругали, а он все равно воровал. Приносил, улыбался и говорил: «Мама, это чтобы ты не грустила!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.